

*Ирочке Бирман
посвящается*

ББК 84 (2Рос=Рус)6-5

Б-54

Б-54   Дмитрий Бирман. АЗБУКА МАСОК. Стихи, эссе. ДЕКОМ – Нижний Новгород, 2009. – 160 с.

ISBN

ISBN

© Д. П. Бирман, 2009

© Издательство ДЕКОМ, оформление, 2009

Дмитрий Бирман

Азбука масок

ВВП (вступление вместо предисловия)

В последнее время аббревиатура ВВП стала в нашей стране сверхпопулярной. Это и Внутренний Валовой Продукт – вещь важная, но не очень понятная среднестатистическому россиянину, что позволяет разным умным дядям, и в очках и без очков, издеваться над простым человеком, предсказывая изменения трендов и цены за баррель.

Это и Владимир Владимирович Путин – личность, безусловно, харизматичная и загадочная, меняющая под руководством имейджмейкеров маску за маской.

Кстати, о масках.

Каждому из нас приходилось примерять их, многим ежедневно носить, а к некоторым они приросли настолько, что те уже и забыли, как сами выглядели изначально.

Одна моя знакомая говорила, что как только она меняет цвет волос, у нее совершенно изменяется характер. Другой мой знакомый обретал внутреннюю уверенность и спокойствие, только надевая костюм и галстук.

Маски, завладев нашим лицом, меняют и наши души.

Я приглашаю вас на карнавал.

Это карнавал лиц и характеров, чувств и эмоций.

Все персонажи – вымышлены. Все обстоятельства – реальны.

Люди, о которых я пишу, не имеют со мной ничего общего, но все они – это я.

Быть может, среди масок и карнавальных костюмов будут мелькать знакомые вам.

Быть может, вы узнаете себя, или вспомните, как это происходило с вами.

Быть может, ваша жизнь вдруг покажется вам скучным карнавалом и вы, присоединившись к автору, тоже снимете маску.

Может быть...

Мой собеседник так умен,
я замираю,
когда, стихи читая, он
идет по краю,
когда стремится расчленив
поток событий
и тембром хочет растопить
он лед открытий.

Мой собеседник очень глуп,
хотя начитан,
не вижу шевеленья губ,
но тон рассчитан,
так, чтобы слушать лишь его,
не сомневаясь,
речь расшивает полотно,
не ошибаясь.

Он надоел ужасно мне,
до отвращения,
то вера у меня в цене,
то яд сомненья...

Он ночью разбудил меня,
прогнать нельзя.
Сейчас расскажет про себя
мой собеседник – Я!

Автоледи

В вашем городе есть проспект имени Юрия Алексеевича Гагарина?

Я думаю, должен быть обязательно! Юрий Гагарин, – звездный первопроходец и все такое прочее, был, по-моему, просто очень добрым и открытым человеком, – посмотрите на его улыбку.

Знаете, есть такая шутка, что Юрию Гагарину все нравилось – и скафандр (не очень удобный и тяжелый), и место пилота в космическом корабле (очень тесное), в общем, все, все, все... кроме одного.

Ему не нравилось, что пахнет собаками! (типа, до него летали в космос Белка и Стрелка!) Приколно, да?

Так вот, еду я, значит, по проспекту Гагарина, пробок нет, солнышко светит, безумных гонщиков не видно. Одним словом, – красота!

Вдруг серебристый «Лексус», как ненормальный, ша-рахнулся из правой полосы и оказался прямо перед моей мордой, я еле успел «дать по тормозам». А это чудило на «Лексусе», опять в свой ряд и дальше покатыл себе, спокойненько так.

Смотрю я, собачка дорогу перебегает. Он, получается, песика чтобы не задавить, мотанулся (тут я, кстати, и вспомнил шутку про Юрия Алексеевича), а что там с живым человеком, (тоже, заметьте, в неплохом автомобиле) – это его не волнует!

Притопил я педальку газа моей «Камрюхи» (не смотрите, что движок – два и четыре, резвая она у меня), и полетел вслед за этим человеконенавистником.

У нас ведь как, – гони, не гони, на светофоре встретимся! Догнал я «Лексус» на втором светофоре, смотрю, а за рулем женщина. Женщина в автомобиле – как обезьяна с гранатой, – не знаешь чего от нее ждать!

Опустил я правое стекло, посигналил ей, и кричу:

– Девушка, вы за собачку не беспокойтесь, с ней все в порядке, вот у меня, правда, штанишки мокрые!

Она тоже стекло водительское опустила, говорит мне:

– Что, извините?

Тут я ее глаза увидел и дыханье перехватило.

Темно-синие, глубокие, утонуть можно, но, главное, такая тоска в них Вселенская! У меня аж мороз по коже.

Зажегся «зеленый» и мы поехали, а на следующем светофоре я опять за свое:

– Девушка, вы собачке помогли, но меня так подрезали, что штанишки стирать нужно! Может, займетесь?

Вдруг, представляете, бросает она в мое окно визитную карточку и укатывает под «зеленый» дальше, а мне левый поворот надо делать. Свернул я и остановился. Любопытство одолевает, читаю: «Стелла Дроздова, дизайнер», ну и все телефоны, включая сотовый.

Понятно, дизайнер, да еще Стелла! Такая, конечно, ничего вокруг себя не видит, творческая, так сказать, натура.

Не поленился, набрал ее сотовый и стал терпеливо ждать. Тут вот какое дело. Как правило, для женщины сотовый телефон – это, в первую очередь, аксессуар. Она не сразу понимает, что звонит, где звонит, а потом, найти его, бедного, в дамской сумочке....

Стелла, кстати, быстро ответила, голос приятный, бархатный такой.

– Это монах в мокрых штанах! – выдал я ей. – Монах, потому что толерантен (блеснул я недавно услышанным словечком), а в мокрых штанах благодаря вам, Стеллочка!

– Я еду за город, в лес, – сказала Стелла – можете составить мне компанию, заодно штанишки просушите и проветрите. И отключилась.

Что меня тогда заставило плюнуть на все дела и поехать за ней?

То ли голос ее, глубокий какой-то, то ли глаза, которые заглянули мне в самую душу, то ли омут тоски в этих глазах... В общем, выехал я снова на проспект Гагарина и поехал за город. Дорога тут у нас одна – прямо и прямо, не ошибешься. Еду и думаю: «А может зря поперся? Развела меня девушка, а я как лох чилийский повелся!»

Смотрю, прямо на выезде, за постом ГИБДД стоит серебристый «Лексус». Только я приблизился, Стелла включила левый поворотник и резво так вперед поехала.

Еду я следом и думаю: «Может это жена какого-нибудь олигарха местного? Может, загрузила в золотой клетке, приключений захотелось? Может, привезет меня в свой загородный дом, поднимемся мы по точенной лестнице в спальню, и такое там начнется на фиолетовых простынях...»

Смотрю, точно, сворачивает в сторону поселка одного элитного, только еще чуть правее берет и к озеру подъезжает. Останавливается.

Я тоже остановился, быстренько из «Камрюхи» выскочил, подбежал к ее машине, открываю дверцу с галантным поклоном и говорю:

– Прошу вас, леди!

А она сидит, смотрит на меня оценивающе и улыбается. Только глаза все такие же, грустные.

Я внутрь машины заглянул, а машина-то у дамочки непростая! Какие-то рычаги хромированные, первый раз такие «навороты» увидел.

– Ну что же вы, – говорю, – Стеллочка, выпрыгивайте! – и руку ей подаю.

Она мне свою ладошку на руку положила, а сама не выходит.

И тут я понимаю, что чего-то не понимаю, а она мне:

– Если несложно, в багажнике посмотрите – и на кнопку нажимает.

В «Лексусе» такой прикол есть, с кнопки багажник открывается.

Подошел я, дурак дураком, к багажнику, заглядываю в него, а там...

Коляска инвалидная....

Достал я ее, разложил, к водительской дверце подкатил, а что дальше делать, не знаю.

Стелла смотрит на меня, улыбается, только страх в глазах, – вдруг убегу.

Меня словно в спину кто-то подтолкнул, подошел я и осторожно взял ее на руки.

Если у вас есть дети, то вы знаете, когда берешь их на руки, они обнимают и прижимаются с таким доверием к сильному взрослому человеку, что мурашки идут по спине.

Если у вас нет детей, то вам еще предстоит испытать эти счастливые мгновенья.

Так вот, держу я Стеллу на руках, и такая нежность на меня нахлынула, прям до слез. Держу ее и шепчу на ухо:

– Как же ты, милая, за рулем одна? Хочешь, я тебя так всегда буду держать? Шепчу, а сам не понимаю, что это на меня нашло!

Она прижалась ко мне, совсем как маленькая девочка, и тоже шепчет:

– Хочу!

А через год, ко дню ее рождения, я сделал на «Лексусе» татуаж «Автоледи» и симпатичную морду белого пуделя.

А еще через год, мы вернулись из Москвы, где Стелле сделали три операции.

А еще через год она уже ходила без посторонней помощи.

Когда мы приезжаем в лес, я первым выхожу из машины и беру мою радость на руки.

Она прижимается ко мне, а я поднимаю голову вверх и вижу в небесной дали и Белку со Стрелкой, и Юрия Алексеевича Гагарина, который улыбается мне своей счастливой солнечной улыбкой.

В смешном изгибе линии Судьбы,
в трагичном сочетании обстоятельств,
из дружб и встреч, любви, разлук, предательств
рождаешься и существуешь ты.

Горит огонь. Опять горят цветы,
их шапки красные, как маяки удачи,
из глупости, смекалки, смеха, плача
рождаешься и существуешь ты.

К мечтам и снам построены мосты,
под ними реки долгих лет и счастья,
из шторма, штиля, солнца и ненастья,
рождаешься и существуешь ТЫ!

Барби

Татьяна Александровна Лапина критически рассматривала себя в зеркало.

Казалось бы, все очень неплохо.

Чудесно сохранившаяся фигура – не зря семь лет жизни были отданы спортивным танцам. Черное элегантное платье от Валентино, которое открывало красивые руки с нежной кожей. Туфельки от Серджио Росси, украшенные кристаллами Сваровски. Непокорные белокурые локоны, уложенные в затейливую прическу.

Однако внимательный взгляд топ-менеджера подмечал и морщинки у глаз, и морщинки на лбу, и чуть заметные складки у губ... «Похожа на постаревшую Барби», – подумала Татьяна Александровна, и, круто развернувшись на высоких каблуках, легко села на шпагат, сразу превратившись в Коко.

Так звали Лапину в дни ее танцевально-спортивной юности. Причем, неизвестно почему: то ли за любовь к чер-

ным платьям, то ли за строго отчужденный взгляд, то ли за то, что первые деньги, полученные после выступления на концерте, посвященном Дню города, она потратила на Шанель № 5.

И вот что удивительно: когда ее, после трех лет работы в разных должностях, назначили вице-президентом компании, сотрудники между собой тоже стали называть Татьяну Александровну – своего нового начальника – «Коко».

Она быстро сменила колготки, поправила прическу, набросила на плечи шубку из модной стриженной норки и с блестяще-озорными глазами выбежала на улицу, где ее дожидалась персональная тойота «Камри».

Коко отправилась на корпоративную новогоднюю вечеринку.

Надо сказать, что слово «корпоратив» и его производные за последние пять-шесть лет прочно вошли в российский бизнес-лексикон.

Хотя, по сути, «корпоратив» – это хорошо организованная пьянка. Собственники, топы, менеджеры среднего звена, работники из числа ударников капиталистического труда собираются в ресторане и выпивают. Время от времени кто-то говорит слова, обязательно добрые (что означает: а не налить ли нам снова?), коллеги читают стихи (выпивай!), поют песни (наливай!), выясняют отношения (выпьем!), объясняются в любви (а на брудершафт?).

При том, что все это повторяется из года в год, новогоднего корпоратива ждут, готовятся и переживают, чтобы все было не хуже, чем в прошлый раз.

В этом году «корпоратив» был организован в новом ресторане «Одесса».

Коко немного нервничала. Шеф...

Конечно, в жизни этой энергичной, неглупой и просто красивой женщины были разные мужчины, а один из них даже стал папой ее дочки, но Вадим Николаевич как-то особенно волновал...

Президент компании был старше на 15 лет, у них были добрые деловые отношения, но...

Он был женат и двое его сыновей учились в университете.

Он очень ценил семью, но...

С недавнего времени ей стало казаться, что он как-то по-особенному смотрит на нее.

Коко знала, что нравится мужчинам. Даже молоденький красавчик Дима, который два месяца назад начал работать системным администратором, не сводил с нее глаз и этим ужасно раздражал.

Но Вадим Николаевич!..

Это был мужчина ее мечты, который всегда казался недосыгаемым, как любая мечта...

Когда Коко приехала в ресторан, почти весь коллектив был в сборе, а Надя, секретарь Вадима Николаевича, которая всегда и все про всех знала, рассаживала коллег за столики с номерами.

– Вы рядом с Вадимом Николаевичем, – многозначительно сказала она Коко и проводила ее к столику № 1. Коко заняла свое место и, улыбаясь коллегам, вдруг увидела Диму, который влюбленно смотрел на нее. «Надо будет с ним поговорить», – подумала Коко, – «Не дело!».

Потом все было, как во сне.

Эlegantный Вадим Николаевич. Его слова, громко для всех и шепотом для нее. Его рука на ее подрагивающей от возбуждения ноге. Его запах, от которого кружилась голова.

Их танец – как она чувствовала его!..

Она поморщилась от досады, когда, улучив момент, краснея и волнуясь, Дима вручил ей подарок. Что-то было завернуто в серебристую бумагу и перевязано золотой ленточкой. Коко быстро сунула подарок в сумочку, отвернулась от Димы и сосредоточилась на ГЛАВНОМ.

А ГЛАВНЫМ была бесконечная радость от того, что в новом году ее непременно ждет СЧАСТЬЕ.

Неожиданно внимание Коко привлекло выступление приглашенных танцоров.

Юная девушка порхала, кружилась и замирала в руках опытного партнера.

Когда, под аплодисменты, раскланиваясь, танцоры подошли к столику № 1, Коко узнала Костю, и улыбка застыла на ее лице.

Костя когда-то был ее партнером. А еще, он был отцом ее дочери. Она ничего не слышала о нем последние шесть лет. Костя тоже узнал ее и улыбнулся. За эту улыбку, тогда, она и полюбила его.

А потом... Когда она была беременна и уже не могла выступать, он увлекся новой партнершей, решил стать профессиональным танцором и исчез из города.

Коко не держала на него зла. Она сравнивала себя с героиней фильма «Москва слезам не верит» и всего добивалась сама.

Шальная мысль вдруг пришла ей в голову.

Она подошла к Косте, взяла его горячую, вспотевшую руку в свою, и, глядя в глаза, спросила:

– А что, тряхнем стариной?

Тот кивнул.

Они отошли в центр танцпола. Костя что-то сказал звукооператору, а Коко видела только восхищенный взгляд Вадима Николаевича.

Она будет танцевать для НЕГО!

Услышав первые аккорды латиноамериканской мелодии, Коко вздрогнула. Именно этот танец сделал их с Костей чемпионами России.

Она хотела попросить что-нибудь другое, но сильные руки Кости уже вели ее, а тренированное тело само стало двигаться в такт музыке.

Это было необыкновенно! Она, опять молодая и гибкая, пульсировала каждой клеточкой, растворяясь в ритме обжигающей мелодии.

В кульминационный момент, Костя, как всегда, взял ее «под мышку» и начал вращение. Она выпрямила ноги и, напрягшись, замерла...

Зал, казалось, не дышал.

Дима побледнел.

Вадим Николаевич, от избытка эмоций, резко встал со стула.

Костя, на долю секунды, повернул голову, почувствовав резкое движение сбоку, и, сбившись с ритма, споткнулся...

Коко не успела заметить, как круговерть новогодних огней сменилась хрустнувшей темнотой...

Когда Вадим Николаевич забирал из реанимации вещи Коко, то случайно выронил ее сумочку.

Из нее выпал серебристый сверток с развязавшейся золотой ленточкой.

Вадим Николаевич, машинально, развернул его...

Потом он долго стоял и смотрел на куклу Барби в строгом, элегантном черном платье и туфельках со стразами.

Все думаем, что вечны, и поэтому
живем, себя растрчивая попусту.
Не стали ни певцами, ни поэтами,
крутили без продыха жизни лопасти.

Смеялись до икоты, громко плакали,
ругались так, что дребезжали стекла,
и водку стаканами дружно жажали,
и жизнь казалась яркой, а не блеклой.

Любили женщин до самозабвения,
но женам никогда не изменяли...
Ну, разве что с учительницей пения,
которой в школе так надоедали!

Отдали детям душу всю с желанием
не повторять ошибок, нами сделанных,
учили, что Любовь и Сострадание
в нас разделяют черное и белое.

Все думаем, что вечны, но прощаемся
давно уже с друзьями-одногодками,
уходим – это значит возвращаемся,
но более уверенной походкой!

В ыбор

Выбор...

Только люди, которым не приходилось его делать, считают, что выбор – это благо.

Я не говорю о выборе колбасы или трусов. Я о ВЫБОРЕ!

Когда-то давно, в стране, которая жила по талонам, мне говорили: – Счастливый, тебе-то что! Захочешь – уедешь в Израиль!

А я не хотел. Я тяготился возможностью выбора.

А мысли все равно лезли в голову.

А мои знакомые уезжали...

В той, уже далекой, но навечно родной стране (где жили по талонам на колбасу и водку), мне не давали не думать о Выборе. Напоминали, подталкивали... и снова напоминали.

А моя генетическая память не манила меня на Ближний Восток, не водила по пустыне, не звала в синагогу. Язык, которого я никогда не знал, не будил во мне воспоминаний.

Мне говорили, что надо подумать о детях, об их будущем. Когда шла предвыборная круговерть, мама сказала мне: – Сынок! В нашем городе никогда не выберут еврея! Так я стал депутатом Городской Думы в первый раз. Как выбрать между синагогой и Епархией, если живешь в православной стране?!

Я помогаю и церкви, и синагоге.

Выбор....

Великий Митрополит Нижегородский и Арзамасский отец Николай сказал мне, пряча в бороду святую улыбку:

– Так ведь лучше хороший еврей, чем плохой христианин! Я общаюсь с раввином и настоятелем, бываю в синагоге и церкви, и знаете, что я понял?

Иногда не нужно думать о выборе. Нужно просто быть самим собой и, не стесняясь, заполнять все графы всех анкет.

А мои знакомые стали возвращаться в мой город из Израиля и Америки.

Кто-то вернулся насовсем, сделав свой окончательный выбор.

Кто-то приехал в Россию зарабатывать деньги, оставив семьи в тех, других, странах. И когда я вижу их, целеустремленных и подтянутых, сконцентрированных и самостоятельных, я знаю, как им тяжело.

У них есть ВЫБОР.

Блажен, кто верил, лишь услышав,
свят тот, кто видел, говорил...
Велик, кто, пробежав по крыше,
взмыл ввысь, забыв, что нет перил!

Кричит юродивый: «Подайте!»,
а в церкви чисто и тепло,
но зло командует, в азарте,
что все ему разрешено.

Дождь залил все, хотя и лето,
а в синагоге благодать,
но Дьявол раздает билеты
туда, где будут нас сжигать.

И вот, в смятении убогом,
мечусь на краешке Земли...
Как дотянуться мне до Бога,
чтоб Душу мне уберегли?

Т уды

Вы любите запах сцены?

Вам выпадало счастье смотреть в переполненный зал и чувствовать, как вибрации вашего голоса и нервов входят в резонанс с существом, которое называется «Зритель»?

Когда в нашей школе объявили конкурс чтецов, я понял, что это – мой звездный час! Я учился в десятом классе и, мучаясь от неразделенной любви, начал писать. Стихи. Хорошие. Потому что идеи и рифмы позаимствовал у одного очень популярного тогда поэта.

Ну, какая вам разница у кого?!

Умные и красивые девочки и мальчики выходили на сцену и, почти не сбиваясь и не путаясь, тарабанили вызубренные тексты. Инесса Николаевна, завуч по воспитательной работе, кивала им с благосклонной полуулыбкой.

В зале позевывали, ковыряли в носу, шептались, передавали записки, в общем, откровенно скучали.

И вот настал момент моего взлета и славы! Я стоял на сцене, как Прометей. Мое сердце, под новой рубашкой и пиджаком из химчистки, то восторженно воспаряло, то низвергалось и замирало. Я вынул его из груди, поднял над головой и начал...

Как я читал! Мой голос обрел силу и упругость. Я то чеканил слова, то – замирал. Я вел за собой зал из тьмы к светлomu и великому! И, клянусь, зал застыл. С открытым ртом, пальцем в носу, недосказанным словом и недочитанной запиской.

Когда я закончил, была та самая пауза тишины и легкого шока, в ожидании которой, актеры каждый день выходят на сцену. А потом – взрыв! Аплодисменты!

– Дима, ты не назвал автора, – сказала Инесса Николаевна, когда зал немного поутих.

– Я автор! – ответил я, купаясь в лучах славы, с гордо поднятой головой.

– Очень нескромно, Дима, – скривила губы Инесса Николаевна. – И очень похоже на... (тут она назвала того самого модного поэта).

Я хотел возразить, но... услышал смех. То есть, сначала это было злое хихиканье Толика Онопко, моего заклятого «друга», потом прошелестела первая волна смешков, а затем начался молодой и отвязный лошадиный хохот.

Я бросился прочь! Я был в аду! Душа рвалась на части, а сердце выпрыгивало из груди! Слезы душили меня...

Я не помню, как оказался в кладовке, где технички хранили ведра, швабры, а иногда и отдыхали, сидя на ободранном старом стуле. Я поклялся никогда не выходить оттуда! Я ненавижу весь мир!

Вдруг дверь, скрипнув, открылась, и я увидел женский силуэт на пороге. Глаза, уже привыкшие к темноте, не сразу узнали в лучах ворвавшегося в каморку света Наталью Витальевну, нашу практикантку.

Должен вам сказать, что эта девушка, с выразительными голубыми глазами, развитыми бедрами, длинными стройными ногами и крепкой маленькой (по поводу размера мы, конечно, спорили) грудью под свитером, была для нас вождедением, мечтой, сумасшествием. Но главное – губы! О, какие у нее были губы! Припухлые, чувственные, манящие...

Наталья Витальевна подошла ко мне, молча взяла в ладони мою голову и поцеловала. В губы. Сладко. Долго. До мерцающих мошек в глазах...

Продолжения не было. Никогда. Не было больше у нас поцелуев. Никогда.

Только недавно я встретил ее в универсаме. Она очень располнела. Лицо расплылось. На носу очки. В стоптанной обуви и бесформенном пальто она стояла, смотрела на ценники и качала головой.

Я испугался и отвернулся, чтобы она не заметила меня.

А знаете почему?

Губы! Губы не изменились!

Закончились, подписанные страстью,
листы истории Ромео и Джульетты.
Пришли напасти, расцвели наветы,
закрылись двери в сказочное лето,
и бритва ищет узкие запястья.

Улыбки, превратившиеся в маски,
гримасы разошедшегося сброда,
и без опаски шастают уроды
среди давно уснувшего народа,
который кровь не отличит от краски.

Обратно ветер почему-то дует,
девичьи косы быстро расплетая.
Нужда разует, правда – вновь нагая,
вон ложь в одеждах ярких убегает,
и путь вперед никто уже не знает,
лишь где-то бабка вещая колдует.

Звук поцелуя сделал сказку грешной,
кликуши в пене перестали биться,
и я, смешной, со злом решил сразиться,
пусть знаю, что победы не добиться,
хотя и очень хочется, конечно.

Но день, мне в помощь, облака разрушил,
и солнце из чужого стало нашим,
запрет нарушив, снова пьем и пляшем,
спасая замороженные души!

орога

Наш город связывает со столицей, как это ни странно, Московское шоссе. Это трасса федерального значения.

В каком-нибудь европейском захолустье она представляла бы собой, как минимум, две полосы по сторонам от разделительной, мощный металлический каркас которой, защищающий от выезда на встречку, еще и украшен цветами. Через каждые двадцать-тридцать километров там стояли бы «Рестстейшен», где можно принять душ, поспать и неплохо перекусить.

В нашем случае разделительной полосы нет, а двухполосное движение с каждой из сторон очень часто переходит в забитую грузовиками полосу, по которой тащишься со скоростью шестьдесят километров в час и думаешь, кто же (и как!) распределяет налоги на транспортные средства.

Зато всевозможных кафе и закусовых в достатке! Это и металлические будки, и деревянные дома, а у особо удачливых – мотели, в которых, пообедав и выпив на первом

этаже, можно подняться на второй, чтобы поспать или провести время с девушкой.

Кстати о девушках. Рынок, в котором наша страна живет последние пятнадцать лет, среди прочих услуг, активно предлагает интимные.

На трассе они особенные. Конечно, и в советские времена девушки на дорогах («дальнобойщики» нарекли их «плечевыми») были не редкостью. Тогда, как правило, пьющие, махнувшие на себя рукой женщины, хотели «воли» и обрели ее, именно в таком странном виде.

Главной для водителей, которым в те времена негде было толком поесть и поспать, была потребность, чтобы кто-то разделил с ними Дорогу. «Плечевые» болтали, не давая водиле спать, готовили на костре похлебку, летом стирали, а зимой согревали своим теплом. Стоило это сущие копейки.

«Дальнобойщики», ходившие по одному и тому же маршруту, знали места, где можно было подхватить «плечевую» и, зачастую, возвращаясь, передавали ее коллегам, для которых маршрут только начинался.

Новое время изменило «плечевых». Теперь среди них стало немало молодых и трезвых, у которых нет прописки в крупных городах, но есть желание, заработав денег (а услуга сильно подорожала), устроиться, удачно выйти замуж, растить детей, вычеркнув из жизни пропахшее соляровкой время.

Иногда это студентки, которые таким образом проходят летнюю практику, зарабатывая на оплату съемной квартиры и покупку модных шмоток.

Так вот я про «плечевых» ничего не знал...

Я тащился за большегрузным «Вольво» по Московской трассе, слушал музыку и думал о выходных.

У менеджеров коммерческого отдела командировка в Москву не редкость. Все явные и тайные линии, по которым движутся деньги в России, пересекаются в Москве.

В Москве – крупные оптовики, представляющие мировые бренды, в Москве – таможня и сертификация, в Москве – разрешения и лицензии, и т. д., и т. п.

Меня вызвал коммерческий директор и сказал: «Денис, поезжай в Москву, там кое-кому кое-что нужно передать, а я только тебе доверяю», объяснил все подробно и добавил, что желательно ехать на машине.

Тут мне стало грустно. Нет, не страшно. Эти свертки мне и раньше возить приходилось. Просто завтра – пятница, а в субботу – Ленкин день рождения. Отказаться в Москву ехать не могу, к Ленке не прийти – невозможно. В общем, жуть!

Ладно, думаю, рвану часика в четыре утра, в Москве буду к десяти, все дела сделаю, посплю чуток и назад. Все успеть должен.

И вот, тащусь я за этим «Вольво», и так мне тошно...

А уже рассвело, лето, солнце, воздух свежий сначала в окошко, а потом под рубашку забирается. Хорошо!

Да ничего хорошего, блин, если к десяти не успею, неизвестно, сколько ждать придется. Там ведь тоже не в любое время свертки принимают.

Ну, достал же меня этот «Вольво» долбаный! И не обгонишь, по встрече машины одна за другой, как из мешка высыпали!

Ладно, думаю, буду наслаждаться этим утром и Ленку вспоминать. Про вторник. Так хорошо было, мама дорогая!

Тут дорога в две полосы пошла, а «Вольво» так и прется левым рядом.

Я посигналил – бесполезно! Ухожу вправо, газу прибавил, и эта махина стокубовая тоже вправо пошла, видимо, решил дорогу уступить, тугодум.

Я руль вправо, на обочину, как дал по тормозам, да как хапнул колесом землю, так и крутануло. Хорошо откоса с этой стороны не было, поэтому на травку выбросило, чуть-чуть в дерево не угодил.

Да еще, дурак, непристегнутый ехал. Как бухнулся головой в лобовое стекло – искры из глаз.

Очухался немного, из машины выскочил, обежал со всех сторон – целехонька!

На траву улегся, посмотреть, не зацепил ли чего поддном картера или глушаком. Смотрю, вроде нормально все, и вдруг вижу... босые ноги.

Не под машиной, конечно, а рядом. Изящные такие женские ступни... И дальше (просвет-то у машины не маленький) изящные лодыжки начинаются...

Тут почувствовал я, как голова трещит (сторяча-то забыл, как о ветровое стекло долбанулся), и подумал, что «глинки» начались.

Вскакиваю я на ноги, а кругом звездочки мерцают, мельтешит все и темнота наваливается.

И снится мне чудный сон про то, как мамочка держит меня на руках и слова ласковые шепчет. Спокойно так стало, хорошо...

Умывает она меня водичкой холодной и говорит:

– Ты что, дурачок, себя не бережешь!

Тут открываю я глаза, и понимаю, что лежу на траве, голова на чьих-то коленях, а голос женский, не мамин, мне не снится, а наяву ручейком переливается. Поднял глаза, зацепился взглядом за неплохую «троечку» и увидел огненно-рыжее чудо.

Оказалось, что чудо зовут Юлей, что она – студентка и ехала на каникулы к тетке в Мячково. Автобус сломался, она стояла и «голосовала», как вдруг увидела «Вольво», который загнал мою «десятку» на обочину.

Потом мы болтали и ели бутерброды, которые я предусмотрительно взял с собой. Запивали их чаем из термоса.

Свежий воздух, приятное общество и молодость победили головную боль, я уверенно сел за руль, предложив Юле услуги по доставке в Мячково. Она согласилась (я еще обратил внимание, как внимательно-оценивающе она на меня посмотрела), забросила на заднее сиденье небольшую дорожную сумку (я еще подумал, что-то уж больно налегке путешествует девушка), сама уселась на переднее сиденье, отрегулировав его в соответствии со своими параметрами, и мы поехали.

Кстати о параметрах. Про «тройку» я уже говорил, прибавьте к этому длинные ноги с уже упомянутыми изящными

ступнями и тонкими лодыжками, буйную, огненно-рыжую шевелюру, голубые глаза, пухлые (я еще подумал, не силикон ли качнула) губы и открытый пупок с пирсингом.

У меня, конечно, имелся неплохой сексуальный опыт. Да и Ленка моя всегда зависть у друзей вызывала. Но тут такая мощная сексуальная энергетика, что хоть останавливайся.

Едем мы, болтаем о том, о сем, а она все улыбается бело-зубо и хитренько так на меня поглядывает. Подъехали к Мячково, она мне и говорит:

– День (это сокращенно от Денис, меня так все друзья называют), а можно я с тобой в Москву прокачусь, у тетки-то нагощусь еще?

– Без проблем! – говорю я ей, а у самого дрожь по телу и в жар бросило.

Надо ли говорить, что до столицы я долетел на одном дыхании, рассказывая разные истории и анекдоты, чтобы произвести впечатление на девушку легкостью и неприужденностью общения.

В Москве я отдал сверток (улыбнулся и поблагодарил, как учили) и поспешил вырваться из города, который с легкостью задушит в своих объятьях любого провинциала.

В общем, все бы хорошо, да только понял я вдруг, что домой мне совсем не хочется. Даже к Ленке. А тут еще Юля коснулась своими горячими губами моего уха и прошептала: «День, давай у мотеля остановимся, отдохнем немного».

И снится мне сон, как паркуюсь я у мотеля, похожего на старинный замок, как поднимаемся мы на второй этаж, как

лежу я после душа на прохладных простынях и не верю, что сейчас перестанет шуметь вода и выйдет ко мне моя прекрасная попутчица.

И забыл я про Ленкин день рождения, про то, что надо зарядить сотовый и, что моя мамочка может не пережить мое непонятное отсутствие в течение двух дней, которые, как и ночи, перестали существовать.

Нам приносили еду и шампанское, бесконечно шумел душ, блаженство было безграничным...

Утро понедельника было странным. Я проснулся и увидел Юлю, сидевшую напротив и пристально смотревшую на меня взглядом раненной лани (я никогда не был на охоте и не видел лань, но думаю, что у нее именно такой взгляд). Она была одета, причесана и подкрашена.

– День, – сказала она с улыбкой (я еще тогда подумал, что улыбка какая-то вымученная), – ты собирайся, а я пока схожу, деньги за номер и еду отдам.

Тут я понял, что уже понедельник, что есть еще другая жизнь, что мне надо на работу, а Юле к тетке ...

Я отдал ей бумажник и пошел в душ.

Вы, наверное, уже догадались, что когда я спустился вниз, там не было никакой Юленьки.

На стойке бара лежал пустой бумажник, в котором остались, слава Богу, мои права, а хозяин мотеля, увидев выражение моего лица, плеснул в стакан водки и рассказал про «плечевых».

Не помню, сколько прошло времени, пока я немного пришел в себя и понял, что домой все-таки ехать надо.

Когда я подошел к машине, то увидел под дворником листок бумаги, на котором мелким, красивым почерком было написано: «Ты не поверишь, но со мной такое впервые! Я бегу от себя, потому что недостойна тебя! Если можешь, прости». Начал я тогда смеяться. Над собой и своими чувствами. Над «плечевыми» и «лохами». Над Ленкой и коммерческим директором. Над страной нашей и жизнью, уму не постижимой. Просмеялся, попил водички и домой поехал.

Дома успокоил маму (она всегда примет и простит), послал к черту Ленку, коммерческого директора ипил неделю. Ленка насмерть обиделась, а шеф понял и простил (кстати, мировой мужик).

А еще через неделю я опять поехал в Москву. Со свертком.

Шел дождь, торопиться мне было некуда. Когда я подъезжал к Мячково, то не поверил своим глазам. На обочине, под дождем, стояла Юля и голосовала. Я остановился. Спокойно так вышел и тихо так сказал...

Она стояла молча, плакала и сутулилась от моих слов.

Боже, как легко и хорошо мне стало! Я с улыбкой сел в машину, повернул ключ зажигания, плавно выжал сцепление, не торопясь включил первую, аккуратно дал газку и мягко тронулся. С наслаждением смотрел я в зеркало заднего вида на становящуюся маленькой сгорбленную фигурку потускневшей красотки и указатель «Мячково», перечеркнутый наклонной красной полосой.

Через минуту я остановился и включил заднюю скорость... А еще минуты через две я смотрел в зеркало заднего вида, как она с тем самым взглядом раненной лани сидела на заднем сиденье и капли дождя, стекавшие с ее (видимо, натурального цвета) волос, смешивались со слезами.

Я смотрел и думал о том, что Дорога, которая выбрала нас, знает больше нас, она мудрее и обязательно приведет к нашей мечте.

След на песке – остаток отраженья
твоей души
и волны, в повторении движенья, шуршат.
Шуршит
песок, песчинки протирая,
который век,
и я бегу по пене края
закрытых век.
Ресницы моря в зеленой туши,
а в непокой
дельфиньим криком стремятся души
одна к другой.
След на песке пропал, но снова,
в который раз,
мне дарит море свои оковы
зеленых глаз...

За горизонтом, я точно знаю,
Есть та страна,
Где ждешь меня ты, всегда
мечтая,

Всегда одна.

Еврей

Мой однокурсник Женя Трукин был похож на Григория Мелехова из «Тихого Дона». Точнее, на Петра Глебова, который играл эту роль в фильме Герасимова. Нос у него был такой же орлиный, а сам он – жилистый и черноволосый. Учились мы в одной группе.

Кстати Женька, которого мы вслед за школьными друзьями стали звать Джоном (его кумиром был Джон Харрисон из легендарных «Битлз»), очень нравился девушкам.

Тогда, в конце 70-х, жил он в центре города, а его папа был директором Горпродторга, так что парень был, как сейчас говорят, в полном шоколаде!

Однако была у него одна беда. Давняя. С самого деревенского детства.

Джона за эту самую, практически «киношную», внешность называли... евреем.

Сначала он даже не знал, кто такие евреи, просто улыбался и часто моргал длинными черными ресницами.

Потом он подрос, и ему всё объяснили. Не знаю, говорили ему, что евреи пьют кровь христианских младенцев, или нет, но Джон возненавидел их всей душой.

Теперь, когда его называли «еврей», он зверел, бросался на обидчиков (сколько бы их ни было) и бился беспощадно. Надо ли говорить, что очень скоро его перестали так называть?

Но, как в том анекдоте, осадок-то остался!

Когда мы поступили в институт и возвратились с картошки, он подошел ко мне и, чуть прищурившись, сказал:

– Ты хороший парень, Диман! – а после небольшой паузы добавил, – Хоть и еврей!

В моей максималистской и антисемитской юности это была высшая похвала.

Так вот, курсе на третьем, с Джоном произошло событие, которое перевернуло всё его представление о жизненных ценностях.

Стоял летний вечер. В такие вечера, когда стихает дневной шум и оседает пыль, скамейки заняты парочками жмущихся друг к другу влюбленных. Джон шел домой, думая о том, получится ли у него что-нибудь сегодня после дискотеки с Юлей Перовой, красоткой из нашей группы, или нет. Некий опыт общения с девушками у него уже был, так что в грязь лицом он не ударит, а вот другим ухажерам нос утрет!

Дома он надел белый венгерский батник «Фекон» и шотландские джинсы «Вайлд Кэт». Летние ботинки «Саламандер» знаменитой немецкой фирмы подчеркнули безупречный стиль соблазителя юных красоток-дурочек. В этот чудный летний вечер Джон направился в бар Политехнического института на дискотеку, и встречные девушки призывно улыбались ему, а юноши уважительно смотрели вслед, потому что так одеваться в то время могли позволить себе только спортсмены или артисты.

Дорога к Политеху шла через сквер, который старались по вечерам обходить стороной. Джон шел твердой, уверенной походкой сильного человека, поднаторевшего в дворовых разборках.

Вдруг он услышал шум. Повернув голову, Джон увидел, как под единственным горящим фонарем рыжий парень с криком:

– Убью, мне по барабану! – отмахивался обломком доски от наседавших на него четверых противников.

«Это же Йоська, из соседнего дома», – мелькнуло у Джона в голове. И в тот же миг один из нападавших закричал:

– Мочи жидов!

Джона переклинило. Он забыл и про дискотеку, и про вожденную Юлю Перову. Он забыл про белый батник и новые джинсы.

Как бык на красную тряпку, Джон бросился на нападавших и молча стал наносить умелые и точные удары.

Все завершилось очень быстро. Когда Джон пришел в себя, то увидел Йоську, который, горестно причмоки-

вая, рассматривал лопнувший по шву батник и порванные джинсы.

– Давай, мама зашьет, будет незаметно! – сказал он Джону. Потом они сидели на остатках скамейки и пили «Агдам». Из горлышка. И болтали.

На следующий день, во время консультации по «сопрома-ту», Джон подсел ко мне и сказал:

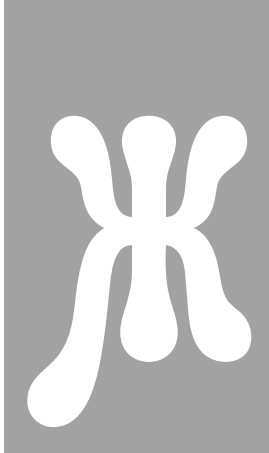
– Диман, если хоть одна тварь позволит себе обозвать тебя жидом, бей в рыло, я рядом!

Мой друг имеет семь рук,
он ими водит вокруг,
и сразу я представляю,
как друг мой летает.

Он смотрит сверху, для смеха,
(а смех ему не помеха),
в пустые глаза, поверьте,
в общем, не страшной смерти,
он часто видит (мы рады)
парады как маскарады,
он видит улыбки и слезы,
он грезит, не веря в грезы,
он слышит, как рядом дышат,
мог бы писать, но не пишет,
мог бы, на радость баранам,
усесться за барабаны,
мог бы напрячь аорту,
громко послать всех к черту,
назавтра очнуться от бега
где-нибудь в Сан-Диего...

Руки немеют, темнеет,
кто-то шепчет: «Согрею»,
но для него, в одночасье,
сиюминутно счастье...

ИЗЖЬ

Вы знаете, что такое Океанская Волна?

Не прошло и пяти минут, после того как я вместе с другими радостно-возбужденными персонами разных рас и национальностей смеялся над грозной океанской волной, превращавшейся у берега в белые, пенистые и безобидные барашки, как началась борьба...

Обласканное Богом местечко Биарриц на юге Франции. Кукольные домики, прозрачная синева неба и доводящий до истоми вид на Атлантику.

Был сентябрь. Ласковое солнце заряжало мощной энергией Вселенной. Жизнь казалась сладкой и бесконечной.

Я пил ее, не торопясь, смакуя каждый глоток.

Я не заметил, как оказался на гребне Волны. Потом вниз. И снова на гребне. Я чуть-чуть помогал себе руками и но-

гами, получая удовольствие от такого «убаюкивания». Когда я, слегка уставший, повернул к берегу, то понял, что океан не отпускает.

Рядом плыли люди, они были спокойны и уверены. Я стремился к берегу, а океан играл со мной. Он то помогал мне двигаться вперед, когда Волна накатывала на берег, то, откатываясь назад, забирал с собой.

Стало страшно. Я снова был маленьким, несмышленным мальчиком, которому нужна помощь, а мама куда-то ушла.

В конце концов, я устал. Я видел, что берег рядом, пытался нащупать ногами долгожданный песок, но безуспешно... Захотелось позвать на помощь.

В тот самый момент, когда «Помогите! Хелп ми!» – готово было сорваться с губ, новая волна накрыла меня.

Я обещал Богу стать другим человеком.

Отказаться от всего лишнего, быть образцовым семьянином и никогда не думать о других женщинах.

Когда, отплываясь, я вынырнул, то рядом по-прежнему, не обращая на меня внимания, плыли люди. Они были спокойны и уверены.

Инстинкт подсказывал, что надо расслабляться и отдыхать, когда Волна накатывает, и со всей силой плыть вперед при откате.

В голове носились обрывки мыслей и образов. Я ненавижу и океан, и солнце, и себя, и это проклятое место, куда я приехал отдохнуть.

Волна снова накрыла, я вынырнул, собрав остатки сил, крикнул:

– Хелп ми! – и... почувствовал под ногами уплотненный за века песок.

Я выполз на берег и, шатаясь, пошел в сторону отеля.

Какая-то женщина, участливо глядя на меня, кажется, спросила:

– Вам плохо?

Как зомби, я дошел до лежака и рухнул на него. Даже через полчаса, когда я понемногу начал приходить в себя, пульс был 120 ударов в минуту...

Всего через час я уже сидел в ресторане, наслаждался сочной бараниной на косточке и любовался океаном.

Я пил эту жизнь, смакуя каждый глоток.

Я скользил по паркету зеркальному
с тенью,
я по воздуху плыл нереально,
по хотению.
В гулком зале светились портреты,
глаза их смеялись,
я опять перепрыгнул запреты,
не дождалась?!
Легкий шелк предчувствия кожи,
как тайна.
Смотрят танец, заполнены ложи,
так реально...
Я ликую, кружу, обнимаю,
в ритме вальса,
об одном в этот миг мечтаю,
тьень, останься!
Липкий пот. Предрассветной спазмой
сжато горло.
Я всего на шаг от маразма,
так приперло.
Я хватаю, а тень ускользает,
спросонья,
зал хохочет, зал рыдает.
Какофония....

Я скользил по краю сознания
бессознательно,
я сумел обмануть все желания.
З а м е ч а т е л ь н о !

З агражица

Если ехать от Венеции на север, то среди обработанных клочков земли, ровных полосок аккуратных кустов винограда, чистеньких городков, можно отыскать Сечиле. В Сечиле живет примерно двенадцать тысяч человек. Там есть железнодорожная станция, мостик через реку, которая протекает через самый центр города, и даже мэр. И муниципалитет, в котором работают семь человек. Мощеная, как и полагается, булыжником центральная улица вечером многолюдна. Молодежь собирается, чтобы поболтать ни о чем, «попеттинговать» под осуждающими взглядами милых и ухоженных старичков и старушек. Последние чинно прогуливаются, рассматривая витрины, или неторопливо пьют «эспрессо». Кажется, что так было всегда. Улицы хранят память прошлого.

Прозрачный воздух колеблется от силуэтов людей, которые жили и любили этот маленький уютный городок.

Костел с часами, которые (представьте себе!) работают, театр, с аншлагами и длинной афишей, книжные магазины, где всегда посетители, идеальная чистота мостовых, витрины, на которых ни пылинки, отполированные столы и стулья в кафе и ресторанах.

А главное, лица улыбающихся тебе (именно тебе!) прохожих. В таком городе, если в жару ходить целый день в белой рубашке, то к вечеру, сняв ее, с удивлением можно обнаружить чистый воротник...

Кстати о ресторанах.

Я, впервые попав в Италию, оказался в самом сердце ее севера.

Я наслаждался Сечиле и домашним уютом ресторанчика «Сализа», будучи единственным иностранцем в этом ресторане, да и, наверное, в этом городке.

Прощутто с дыней, министроне, тольятта...

Музыка названий и вкусовых ощущений. Вальс удовольствия и танго покоя. Тихая, сладкая жизнь в одной из культурных столиц мира... раздражала.

Ну почему у Них так, а у Нас совсем не так, совсем наоборот?!

Кстати, о мирском.

Выпитый бокал (гранде!) пива напомнил о себе нарастающим дискомфортом, и я пошел (скузи!) в туалет.

Гранитные ступени, темная отполированная дверь, легкий запах каких-то цветов внутри.

Красиво-благородный белоснежный унитаз, я потянулся к крышке...

Вы, конечно, знаете что мальчики, как правило, писают стоя.

Культурные мальчики, поднимают и верхнюю крышку сиденья, и ту, на которую садятся при другой надобности. Чтобы не испачкать. В смысле, бывает разброс струи... Так вот! Крышка была ОПИСАНА! СИЛЬНО! ВСЯ!..

Боже, как я смеялся!

Господи, как хорошо мне стало!

Парижский воздух источает похоть
дворцовых закоулков и покоев,
мосты обняли Сену, башня сохнет,
в томлении парит над мостовою.

Каштаны незрелые страдают,
в обнимку ходят африка с европой,
и музыканты, как у нас, играют
в метро мотив то близкий, то далекий.

В гостиницах обшарпанные стены
и лифты чуть побольше шифоньера,
в кафе сидишь зажатый, словно пленный,
и у гарсонов странные манеры.

Французы горделиво-суетливы,
француженки, конечно, хуже наших...
А лунные приливы и отливы
здесь накрывают, почему-то, чаще!

У

х любовь

Типично-немецкий швейцарский город Цюрих был родным для Клауса.

Он, один из лучших в мире специалистов по травме колена, оперировал в небольшой клинике, находившейся в пяти минутах неспешной (а Клаус никогда никуда не спешил) ходьбы от дома, где он прожил всю свою сознательную жизнь.

Всемирно известные футболисты и хоккеисты, звезды балета и эстрадные танцоры, прыгуны, бегуны и обладатели Кубка Дэвиса – многие из них прошли через его волшебные руки.

Каждый день Клаус вставал в 7 часов утра. Он выходил из своей спальни на втором этаже и спускался в столовую, где его ждали круассан (обязательно с яблочной начинкой) и кофе – не горячий и не холодный, а тот, что готовила ему уже много лет Анна-Луиза.

У Анны-Луизы, жены Клауса, была отдельная спальня.

Сначала она уходила спать в другую комнату, чтобы дочери Клауса, Мари и Луиза, родившиеся с разницей ровно в три

года (идеально с медицинской точки зрения), не мешали папе спать.

Девочки росли, болели, как все дети, и спать в разных комнатах стало традицией.

После завтрака – в 7:30 Анна-Луиза помогала ему надевать рубашку и костюм, в зависимости от времени года подавала плащ или пальто, шляпу или зонтик. Особенно тщательно она выбирала для него обувь.

В 7:40 Клаус вышел из дому. Как только за ним закрылась дверь, Анна-Луиза звонила Жаннет, секретарше Клауса, и говорила всегда одну и ту же фразу:

– Он идет!

Жаннет тут же начинала готовить кофе, и в тот момент, когда Клаус входил в свой кабинет, происходили две вещи. Во-первых, его ждал свежесваренный (не горячий и не холодный) кофе, а во-вторых, Жаннет звонила Анне-Луизе и говорила всегда одну и ту же фразу:

– Он пришел!

Потом Клаус гениально оперировал. До обеда.

Когда он выходил из клиники, чтобы пообедать дома, Жаннет звонила Анне-Луизе и говорила:

– Он идет!

В зависимости от времени года, Клауса ждал сервированный стол в гостиной или в саду. После обеда Клаус садился в кресло-качалку, брал сигару, которую Анна-Луиза доставала из сигарного ящика ровно через пять минут после звонка Жаннет, и читал свежие газеты.

Затем он снова шел в клинику, вновь происходил обмен звонками, а день заканчивался (в зависимости от времени года) у камина в гостиной, или в кресле на веранде.

По выходным Анна-Луиза показывала Клаусу дочерей, которым (в зависимости от возраста) он делал «Агу-агу!» или спрашивал об оценках в колледже, а потом и в университете. Для любого возраста процедура занимала максимум пятнадцать минут, после чего Анна-Луиза отправляла девочек по своим комнатам, чтобы те не мешали папе отдыхать. Взрыв произошел внезапно, превратив все вокруг в хаос.

Во время субботней пятнадцатиминутки Мари, старшая дочь Клауса, сказала папе, что она беременна. От Олега. Стажировка в Лондоне. Любовь с первого взгляда. Взаимная. Он работает в банке. Старше ее на десять лет. Зато уже десять лет назад уехал из России и стал настоящим англичанином. Он лучше всех. Аборт она делать не будет. Впервые за последние двадцать пять лет Клаус не курил послеобеденную сигару.

Солнечным воскресным утром он велел:

- Мари убраться прочь из дому и не смей общаться с Олегом.
- Анне-Луизе и Луизе не смей общаться с Мари.

Мари ушла из дому и перестала общаться с Олегом. Когда Мари звонила сестре, та плакала и говорила, что не может с ней видаться, потому что запретил папа.

Когда Мари звонила маме, Анна-Луиза говорила, что им с папой стыдно за такую дочь, и заканчивала разговор.

Беременность была очень тяжелой.

Олег, разорвав контракт в Лондоне, переехал в Цюрих, чтобы хоть как-то помочь Мари, которая, переступив через себя, приняла эту заботу.

Мальчик родился замечательный, если бы не родовая травма – вывих колена.

Когда мальчику исполнился месяц, Олег взял его и приехал к Клаусу. В клинику. Клаус не мог отказаться посмотреть внука, ведь, в первую очередь, он был врачом.

Случай оказался настолько интересным и так увлек Клауса, что он не расставался с подопечным, предоставив для него одну из комнат своего дома и позволив Мари (но только Мари!) быть рядом с пациентом.

Когда Егору (мальчика назвали в честь деда Олега, погибшего на войне) исполнился год, Клаус сделал ему гениальную (впрочем, как всегда) операцию.

Прошло пять лет.

Клаус и Анна-Луиза бредят внуком.

Луиза, с разрешения и благословения папы, вышла замуж за его ассистента и переехала жить в дом по соседству.

Мари живет с родителями и сыном. Клаус так и не разрешил ей быть вместе с Олегом.

Олег не вернулся в Лондон, он осел в Женеве, уже два года живет с чудной Мариной из Санкт-Петербурга, очень любит ее дочь, но каждое воскресенье едет в Цюрих, чтобы поцеловать Егора и поговорить с ним на русском языке.

Дай Бог мне проявить терпенье
и не поддаться чарам черта,
чтоб, прокусив врагу аорту,
напиться крови с наслажденьем!

Дай Бог мне ложь не путать с правдой
и не отдаться искушенью
считать себя венцом творенья,
смотреть салюты и парады!

Дай Бог мне отличить дешевку,
чтобы любовь на грани тонкой
была пронзительной и звонкой,
а не свила бы мне веревку!..

Дай Бог здоровья моим близким,
чтобы холодное молчанье
не стало беспроцентной данью,
за то, что я на свет родился!

Йоркширский терьер

Терпеть не могу маленьких собачек!

Представляете, выглядывает такая кудрявая морда из сумочки хозяйки и недоуменно смотрит вокруг. Типа, хрен ли вы не умиляетесь моей неземной красотой?!

Или заходит расфуфыренная дамочка в магазин, а у нее на руках бант... Конечно, это собачка, только под бантом ее не видно, а дамочка еще с ней разговаривает как с ребенком, сюсюкает, предлагая и остальным присоединиться к ее восторгам.

Или идет здоровый такой болван, на поводке ведет то ли мохнатую крысу, то ли кудрявую кошку. Гордый такой, мол, у меня денег – куры не клюют, гуляю с элитной собакой!

В общем, – это очень круто, если у вас дома пес, которого надо постоянно искать, а пол усеян маленькими какашечками, причем в самых неподходящих местах.

Когда моя дочь попросила на день рождения «йорка» (это сокращенно йоркширский терьер), я понял, что дело плохо.

С одной стороны, я не могу отказать любимому чаду, а с другой...

В общем, в день рождения, она получила этого трехмесячного негодяя.

– Папа, – сказала счастливая доченька, – Посмотри, он вылитый Оскар!

С какого рожна Оскар, я так и не понял. В любом случае, на статуэтку, которую вручают победителям престижного киноконкурса, он точно похож не был!

Так в нашем доме появился Оскар. Ося. Ос. Йоселе.

Через месяц я понял, что дико ему завидую.

А что? На всем готовом, за тобой убирают, гулять водят, а еще... дочь с женой поехали в специальный (!) магазин, где продается одежда (!) для собак, и купили ему костюмчик, комбинезончик, пальтишко...

Да, друзья мои, повезло псинке, попал в приличную, обеспеченную семью!

Расписание дня, кстати, тоже очень подходящее. Спи, ешь, гуляй, спи, ешь, гуляй, спи, а в промежутках бесись и гадь, где попало!

Да еще жена с ним наиграется, нацелуется, а потом ко мне с поцелуйчиками! Ужас!

Сами понимаете, как трудно мне было изображать любовь к этому обалдую.

Как-то прихожу с работы, дочь – на учебе, жена – в парикмахерской, ой, извините, в салоне красоты, а Ося ждет не дождется, когда его покормят.

Достал я из холодильника творожок, согрел («Папа, обязательно сам попробуй, чтобы не холодный был!»), добавил молочка и дал ему.

Вот, поел он и неуверенно так ко мне подходит. Поднял морду свою, в кудряшках и твороге, и в глаза заглядывает. Братцы мои! А в глазах-то печаль! И тут понял я многое.

Жизнь сытая, но как в тюрьме. Гулять водят, но на поводке. Играют, но когда захотят. Ласкают, но когда самим тошно. А в отношении любви, в смысле секса, вообще кошмар! Может быть, когда-нибудь, если повезет, приведут такую же терьершу.

На один раз. Да и то, детей потом не увидишь, семейной идиллии не порадуешься.

Вот и приходится ему, бедному, дожидаться, когда гости придут, чтобы подкрасться потихоньку к кому-нибудь, обхватить за ногу и начать дрожать всем телом.

И понял я, что совсем не завидую ему.

Потому что жизнь моя прекрасна и удивительна, а неприятности, которые в ней происходят, – это все равно новые впечатления и новые знания. Потому что это счастье – любить и быть любимым, несмотря на измены и разводы.

Потому что секс... ну, вы поняли, да?

С тех пор каждый день, в дождь и снег, в жару и холод, я выхожу гулять с Осиком и гордо веду его на длинном поводке.

Я изменил условия задачи
и стал свободен.
Вдруг стали звуки слышаться иначе,
и вновь угоден
я оказался для тех, кто рядом,
и кто не слышит,
как то дожди, то снегопады
стучат по крыше.

Кто растворился в домашней лени,
в тепле кошачьем,
в носках из шерсти, в огне поленьев
ненастоящем.

Я изменил условия задачи,
мне это ново.
Да ладно, бросьте! Эй, там, не плачьте!
Ушел из дома.

Кладбище

Что остается у человека, когда не остается ничего?
Когда ушли близкие? Когда предали друзья? Когда тоска разрывает изнутри и превращается в запой, или вой на полную луну, или смертельный риск в «горячей точке»?

Куда идти, если идти некуда?

Если не манят дали и не греет солнце? Если погода разделилась на «дождь» и «не дождь»?

Я иду по кладбищу и думаю о том, что всегда есть куда и к кому прийти.

Или почти всегда.

Наши ушедшие родные и друзья ВСЕГДА здесь и ВСЕГДА ждут нас и рады нам.

Кладбище наполнено жизнью, слезами взрослых и смехом детишек, на которых шикают и грозят пальцем. Интеллигентными речами перед погребением

и матерщиной кладбищенских рабочих. Дорогими автомобилями, подъезжающими прямо к могилам, и бабушками, просящими подаяние на входе.

Здесь, как и в жизни за кладбищенским забором, существует своя иерархия.

Поближе к входу и церкви покоятся ученые, чиновники и воры в законе. Правда, бывают исключения. После того как на кладбище приехал генерал, в помятом мундире, заросший щетиной и нетрезвый, уже через несколько дней на главной аллее появились десять могил молодых ребят, погибших в Афганистане. Потом к ним, время от времени, добавлялись свежие могилы сослуживцев, а через небольшой промежуток времени я увидел светлые и ясноглазые лица погибших в Чечне.

Несколько дальше, в глубине, где погуще деревья, хоронят татар, недалеко от них – евреев.

Люди так и говорят: «на еврейском кладбище», «на татарском кладбище».

Хотя территория одна и люди, приходящие сюда, похожи. В тот момент, когда они приходят на кладбище, они становятся светлее и мысли их делаются чище.

Я, конечно, не хочу говорить о подонках, которые, крадучись ночью, пишут непотребные слова на памятниках или разрушают их.

Мне, если честно, жаль этих людей (хотя, попадись мне такая мразь в руки...), жаль, потому что УШЕДШИХ нельзя ни оскорбить, ни обидеть.

Можно только запустить программу уничтожения собственной души.

Многие посетители знают друг друга, потому что долгие годы встречаются здесь.

Евдокия Сергеевна рассказывает мужу, которого похоронила десять лет назад, как учится внучка и как ей не нравится Буш.

Александр Леонидович обычно приходит с мамой и приносит на могилу отца только красные розы... Кстати, всегда нечетное число...

Володя недавно потерял жену, она умерла во время родов. Под портретом молодой женщины с длинными, пышными волосами и строгим взглядом написано: «Верочка, если ты слышишь плач – это плачу я. Если ты услышишь тишину – значит, я иду к тебе...»

Кто-то давно уже приходит к своим близким, как к живым, радуясь встрече и обещая вскоре снова навестить. Добрую грусть и всепрощенье читаю я в глазах пришедших. Мне кажется, что есть в нашей жизни место, которое всех уравняло, помирило, объединило и простило.

Я поднимаю голову вверх, дождь смешивается с моими слезами, и мне кажется, я слышу голоса, которые говорят, что ждут меня, но чтобы я не торопился, потому что они там ВСЕГДА...

Здравствуй! Я к тебе приехал, папа.
Не серчай, что не был так давно.
Ели дружно опустили лапы,
так чудесно, тихо и светло!

Я опять запутался в понятиях
и тебя, наверно, подвожу,
забываюсь я в чужих объятьях,
хоть за это всех друзей стыжу.

Ты, я знаю, сам покуролесил,
бедам не давал себя согнуть,
был ты остроумен, легок, весел,
а устал – ушел в далекий путь.

По тебе, дружище, я скучаю,
не хватает мудрых, тихих слов,
крепкого заваренного чаю,
толкований непонятных снов.

А тебе как спится, мой хороший,
кто там шутки слушает твои?
Снег, зима, поземка и пороша,
заглушают речь из-под земли.

Л ежь

Лень. Это слабость или сила?

Растворяясь в череде мыслей, масштабность которых пугает, физическая составляющая замирает и не тревожит нас, она реагирует только на смену позы или места опоры (диван, кресло, стул...).

Взгляд скользит по поверхности предметов, обтекая контуры, но не фиксируя их.

Внешние звуки сливаются в некий неразличимый фон, который обволакивает, но не затягивает.

И только дыхание и сердцебиение продолжают связывать с этим грешным миром...

Я далеко, я растворяюсь в созерцании своего внутреннего состояния и живу настоящей жизнью. В ней – страсть и жестокость, ирония и нежность, страх и любовь.

Я – Вселенная, дай Бог здоровья Сент-Экзюпери!

Яркий экран телевизора возвращает в реальность рассказом о Галкине.

Сучонок, не только директор завода, но еще и сыграл в спектакле нашего драматического театра. Никак не успокоится! То в политику, то по бабам, выродок!

А я?

Новый Обломов?

Диванный философ?

Жизнь уходит, а я мечтаю, вместо того, чтобы жить!

Где те, кто был рядом, где друзья, где любимые... где я?!

Ну, ничего, вот завтра я им покажу!

Завтра узнают, поймут, оценят!!!

С этой сладкой мыслью я засыпаю...

Лень – это счастье!

С чистого листа начну я завтра!
Вырву из души печаль и слезы!
Автор все же я, или не автор,
текстов, что шептали нам березы?

Песен, что нам пел свободный ветер,
музыки дождей и снегопадов,
сказок в не уехавшей карете
и несостоявшихся парадов?

Изменю привычки и желанья,
стану бегать по утрам по кругу,
вдруг поверю искренним признаньям,
и опять открою душу другу.

Закружу по марту с малолеткой,
не пойду неделю на работу,
перестану на ночь пить таблетки,
чтобы днем не задушить кого-то!

Улыбнется ласково Удача,
снова ляжет так, как надо карта.
Запоздало где-то ты заплачешь...
С чистого листа начну я завтра!

мании

Мании, мании, мании...

Разум, воспаленный телевизионными и газетно-журнальными новостями, спит. Сон его, как сказал философ, рождает чудовищ.

Самовлюбленный и самодостаточный муж начинает дико ревновать жену, которая недавно стала «ягодкой опять», отпраздновав свой сорок пятый день рождения. Он лихорадочно роется в ее сумочке, ищет следы выделений на выброшенных в мусорное ведро прокладках и приготовленном для стирки нижнем белье. Он просыпается ночью, крадется, сжимая в потной ладони ее сотовый телефон, в туалет, и там, облегченно закрывшись, читает полученные и переданные смс.

Воспаленный разум рисует все новые и новые картины ее многочисленных измен, благо опыт самого супруга в этой области, практически, безграничен.

Это офисы и гостиничные номера, река и море, пляж и лес, ну и, конечно, сауны.

Теперь он не хочет ничего, кроме отмщенья!

Всего лишь короткое смс...

Но! Среди ночи! Но! С незнакомого номера! А содержание!

«Как ты, милая?» Только законченный подонок, негодяй, растлитель молодых замужних женщин мог написать такое (наш персонаж уже не помнит про ее сорок пять, он не помнит, как всегда раньше сравнивал своих двадцатилетних партнерш со своей женой и досадливо морщился...), ублюдок, который хочет разрушить тихое семейное счастье!

Мании, мании, мании...

Измученный и опять пьяный, он приходит в опостылевшую, холодную, мгновенно ставшую чужой квартиру. Он бесконечно звонит по треклятому номеру, но там только длинные гудки...

И вдруг, о чудо! Мягкий женский голос отвечает ему.

Он раздавлен! Он на небесах от Счастья!

– Вы кто?

– А вы?

– Вот тут... вы звонили...нет, прислали смс...на номер... а это, моей жены...

– А! Так вы муж Олечки! Очень приятно! Мы с ней вместе в школе учились. Что-то случилось?!

– Нет! Все хорошо! Спасибо! Извините! Спасибо!
Приходите в гости!
Немыслимый восторг, неземное блаженство испытывает
оживший и вновь самодостаточный супруг...

Я забираю из рук секретарши свой мобильный телефон,
благодарю ее за сотрудничество, и читаю в ее глазах: «Ты
законченный негодяй! Я хочу тебя!»

Люблю твои страдания в тебе
и снова добавляю понемногу
бессонницу, сомнения, тревогу,
неверие в доверие судьбе.
Отыгрываюсь, в общем, на тебе
за то, что не совсем удачна жизнь,
за то, что ты меня, наверно, любишь
и, вероятно, долго не забудешь,
за то, что часто говоришь «Держись!»,
а надо бы давно сказать «Катись!»
И снова полнолуния обман,
а ты все ждешь, надеясь на меня,
и даже забываешь про себя,
послушно опускаясь на диван,
весь в шрамах от твоих душевных ран.

Палач и жертва связаны навек,
я без тебя, похоже, не могу,
пишу слова на тающем снегу,
потом кричу их в падающий снег,
со стороны, нормальный человек
меня легко считает идиотом.
Я сам запутался в придуманной игре!
Ты наслаждаешься страданием во мне?
Замкнулся круг. Из странного полета
мы возвращаемся. Но каждый сам к себе.

Наша любовь

Они любили друг друга уже восемь лет.

Они почти не расставались.

Она тонула в Его глазах, которые всегда были разными. То прозрачно-голубыми, когда Ему было радостно и хорошо, то зелеными, когда Он думал, то темными и глубокими, когда Он хотел Ее.

Он растворялся в Ее ласково-нежных поцелуях и бархатисто-чистой коже спины, ягодич, ног.

Когда они уезжали, то всегда гуляли, взявшись за руки.

Она гладила кисть Его руки и могла часами слушать даже не то, что он говорит, а то, как он говорит. Тембр Его голоса заставлял пробегать мурашки по Ее спине, стягивал кожу на пояснице и сходился двумя тонкими ручейками внизу живота, вызывая легкую вибрацию.

В эти дни, обычно летние, им нравилось молча смотреть на море.

Она сидела на скамейке, а Он лежал, положив голову на Ее колени.

Ее руки и легкий ветерок играли Его волосами. Иногда Он засыпал сладким детским сном, и тогда Она подолгу сидела, не шевелясь, чтобы не потревожить Его.

Чтобы Он отдохнул.

Она знала, как Он устает на работе.

Пыталась помочь, понять, поддержать.

Он был очень благодарен Ей, когда Она брала на себя часть Его забот.

Однажды, в Женеве, в отеле «Метрополь» Ему понравилась шоколадка из минибара. Он, как ребенок, весь перепачкался когда ел ее, нахваливая Швейцарию.

Какой сладкой нежностью наполнилось Его сердце, когда после их возвращения Она принесла Ему чай и точно такую же шоколадку!

Она пыталась предугадать Его желания.

Он пытался не расстраивать Ее и почти не изменял Ей.

Они не любили шумные компании и светские вечеринки.

Она застилала желтой скатертью стол, ставила на него синие бокалы и золотистую вазу с фруктами, Он открывал «Божол».

Они болтали ни о чем, доводя свои желания до точки кипения, а потом пили друг друга и никак не могли утолить жажду.

У них не было детей, но они очень хотели девочку.

С Ее глазами и кожей, с Его волосами и острым умом.

Они почти не расставались.

Только на ночь и на выходные.

Она работала Его секретаршей.

Храню тепло твоей руки,
и продолжаю, по привычке,
не закрывать опять кавычки,
и слышать легкие шаги.

До судорог тебя ласкать,
и чувствовать, как наши души
в момент, когда заложит уши,
сольются. Словно благодать
с небес спускается на землю.
Грешны мы, милая, с тобой,
но ветер и морской прибой
наш грех божественный приемлют.

Храню тепло твоей руки
и увожу в пустом вагоне
твою фигурку на перроне,
дождь, слякоть, лужи, пузырьки...

Одиночество

Как я люблю эту сладко-щемящую боль по утрам. Когда не хочется открывать занавески и пускать в уставшую от бессонной ночи комнату солнце. Когда утренняя усталость сродни вечерней. Когда ты упиваешься тоской о том, что уже прошло, о том, чего никогда уже не будет, о том, что могло бы быть, но...

Именно в такое утро особенно приятно разослать смс с текстом «Больше никогда не пиши мне...» или «Я рад, что ты забыла обо мне...», или «Кто-нибудь когда-нибудь тоже так поступит с тобой...», а потом наслаждаться ответами: «Что случилось?!...» или «Я ничего не понимаю!...», или «Я не могу без тебя!...».

Радостно завидовать тем, кто начинал вместе с тобой, но добился большего, живет лучше (хотя – что такое, жить лучше?).

Смотреть в окно и посылать воздушные поцелуи ушедшим годам.

Подгонять время, демонстрируя абсолютное безразличие, даже презрение к тому, что оно рано или поздно закончится.

Включить телевизор и с удовлетворением слушать о разбившихся самолетах, несостоявшихся судьбах, униженных стариках, залеченных до инвалидности молодых людях, спившихся талантах, забытых героях...

Убедить себя, что ты много счастливее тех, кто завален работой, кого ты видишь на экране ТВ, кто засорил своим присутствием глянец, кто меняет восемнадцатилетних девушек на пятидесятилетних женщин, а потом наоборот, а потом наоборот, а потом наоборот... наслаждаясь диапазоном и сравнением, кто хочет ВСЕГО, а получит скромную эпитафию.

Я завариваю кофе, добавляю молоко из капучинатора, лениво сажусь в кресло и растворяюсь в прохладной тишине комнаты, квартиры, дома, города, страны, мира, вселенной, галактики.

Я сливаюсь со звездами, я выше всех, мудрее всех, лучше всех...

БОЖЕ! КАК ЖЕ Я НЕНАВИЖУ ОДИНОЧЕСТВО!!!

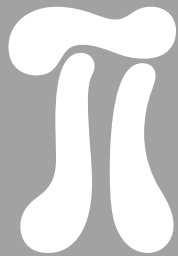
В день одиночества шел снег,
бесперестанно,
кружила голову веселая метель,
крутилась лихо жизни карусель,
все продолжалось, как и раньше.
Очень странно...

Неделя одиночества, как сон,
в котором я один плыву по морю,
кричат дельфины, я их раззадорил,
и не звонит забытый телефон...

Что месяц одиночества для нас!
Спокойней просто сердце стало биться,
и тишиной умыться и напиться
возможно стало сколько хочешь раз...

Год одиночества, как первый год любви,
нет трепету и нежности предела,
вот разве что угроза предела
не вызывает холодок в груди...

Жизнь в одиночестве, наверное,
как смерть,
красива, холодна и безответна...
О, снег прошел! Хорошая примета,
раскрыть окошки, двери отпереть.

презерватив

Помните рассказ Джека Лондона о больном мальчике, который смотрел в осеннее окно на дерево, растущее напротив?

Он видел опадающие листья и думал о том, что когда упадет последний листочек, он умрет. Мальчик сказал об этом маме, мама – соседу, а сосед каждый вечер, когда становилось темно, а дождь и ветер просто сходили с ума, забирался на дерево и привязывал последний листочек, чтобы утром мальчик его увидел.

Мальчик выздоровел, а сосед простудился, заболел воспалением легких и... умер.

Так вот, лежу я в больнице с двусторонним воспалением легких и вспоминаю этот рассказ. Случилось легкое недомогание, мы на это обычно плюем, потом – небольшая температура, а через неделю так прихватило на работе, что сразу увезли в больницу. Сделали рентген и пожалуйста –

двустороннее воспаление легких, двадцать один день на больничной койке!

Ну, конечно, в хозрасчетном (благо есть возможность) отделении, в котором наша медицина на уровне мировой. В смысле цен. Ну, и удобно, конечно: один в палате, телевизор, холодильник, сестрички ласковые.

Мне, конечно, было не до сестричек. Я смотрел в окно. А из окна я видел дерево, причем нижнюю его часть, так как замечательное хозрасчетное отделение размещалось в цоколе больницы.

Ну вот, смотрю я на дерево. Вижу бомжей, которые собирают бутылки и остатки еды. Если кто не знает, то обычно в больницах уставшие от жизни люди, отличающиеся, как правило, завидным аппетитом, выбрасывают объедки, окурки и, безусловно, винные бутылки (не с пустыми же руками больного навещать!)... в окно. Это нормально: не тащиться же через весь коридор в туалет!

Итак, смотрю я на дерево. Вспоминаю рассказ Джека Лондона, его нелегкую судьбу: Клондайк, золотоискателей, популярность. И только подошел к самым захватывающим мыслям о том, сколько у него было женщин, как вижу, что-то непонятное летит сверху и цепляется за ветку моего дерева. Я сначала подумал, что кусок перчатки хирургической из операционной, а потом присмотрелся – презерватив!

«Ничего себе!» – думаю, – «Вот кто-то развлекается! То ли врачи, то ли больные!»

И такая тут тоска накатила! Что я болею, а на дворе лето, что никому я не нужен, что сам я, как этот использованный презерватив, лечу по жизни, а где, как и за что зацеплюсь, найду свой последний приют, не ведаю.

Я вспомнил, как стеснялся покупать презервативы в аптеках, как старался дожидаться, чтобы в очереди к провизору никого не было (или, хотя бы девушек), как, смущаясь, называл их «изделиями» или просто негромко говорил: «Дайте вот это», – и показывал пальцем на витрину.

Я думал о том, насколько полон жизни этот кусочек латекса и, в то же время, сколько жизней он загубил на корню. Кто этот неведомый палач, который легко, одним движением руки ответил бедняге Гамлету: «Быть или не быть?»

Стресс был настолько сильным и так мобилизовал все силы моего организма, что к удивлению и сожалению врачей (платил-то я за коечку исправно) меня вскоре выписали.

На следующий день я договорился с главным врачом больницы и прислал мастера, который поставил сетки на все окна!

Кто разбросал окурки по асфальту,
кто беспробудно трезв и спит тревожно,
кто день за днем выкручивает сальто,
кто сладко спит в канаве придорожной,
кто рассчитал полет на Марс ракеты,
кто рассчитался лишь вчера с долгами,
кто не читает свежие газеты,
кто зачитался напрочь, с потрохами,
кто красит ногти в цвет арбузной корки,
кто бреет ежеутренне подмышки,
кто шутит своевременно и тонко,
кто прошуршал серее серой мышки,
кто муху убивал одним ударом,
кто закрывал в атаке пулемет...

Кто даром прожил жизнь, а кто – недаром?
Кто разберет, оценит и поймет?

Русский

Иосиф Шерман, или просто Йоська, был рыж, веснушчат и голубоглаз. Собственно, только форма ушей и отсутствие крайней плоти (как известно фашисты использовали эти признаки в концлагерях для выявления неполноценной расы), всегда заметное в общественной бане, выдавали в нем не совсем русского пацана. Точнее, совсем нерусского.

Так вот, Йоська, семнадцати лет от роду, радостно шел по улице. Он был счастлив. В его кармане лежал заветный «белый билет». Это было время Афгана, страшного груза «двести» (хотя, кажется, что за последние двадцать пять лет он стал почти привычным), и надо признаться, что не очень многие тогда очень хотели в Советскую Армию. Йоська остановился, аккуратно достал заветную книжицу, трепетно открыл ее, нашел нужную графу и прочитал: «диагноз: периодическая амнезия на фоне ярко выраженной невротии».

Шерман даже зажмурился от удовольствия, потому что дальше было написано: «негоден к военной службе. Комиссован по состоянию здоровья».

«Сегодня бухнём с пацанами на радостях!» – подумал Йоська и вдруг замер.

Он внимательно смотрел на страничку военного билета, который избавлял его от раскаленного бронетранспортера, душливой жары, песка, скрипящего на зубах, постоянного животного страха и анаши, прогоняющей этот страх.

Страничка была обычной, новой, пахла типографской краской и чернилами.

В графе «Ф.И.О» было написано: «Шерман Иосиф Давидович». Все правильно.

А вот в графе «национальность» значилось... «русский».

Йоська вспотел, задумался и пошел назад. В военкомат.

В окошке с надписью «Прием и выдача документов» дремал сытый прапорщик. По его сальному, послеобеденному лицу быстро передвигалась худенькая муха.

Йоска, вдохнув поглубже, шумно дунул на муху и сунул военный билет прямо в открывшиеся, но еще ничего не понимавшие глаза прапора.

– Чего надо? – заученно произнес тот.

– Посмотрите – вежливо сказал Йоська, перекатывая по нёбу букву «р» – Ну какой я русский!

Прапор проснулся, внимательно посмотрел на рыжие вихры, веснушки, голубые глаза и повторил

– Чего надо?

– Перепишите! – потребовал Йоська.

Тут надо сказать вот о чем. Йоська был парень горячий и авторитетный, не прощал оскорблений (особенно по национальному признаку), бился с теми, кто оскорблял, вне зависимости от их количества и метелил всем, что попадалось под руку.

А так как, ко всему прочему, он был еще и Овен по гороскопу, то его упертость превосходила инстинкт самосохранения.

Прапор растерялся.

Йоська давил.

Прапор плюнул и сказал:

– Иди к военкому, придурок! Диагноз-то, видать, тебе правильный поставили!

Военком, хмурый полковник с желтым лицом, щеточкой черных усов, шрамом на лбу и протезом вместо кисти левой руки, молча выслушал наглеца.

Он устал. Его место было там, с ребятами...

Он посмотрел в глаза рыжему выродку, снял трубку внутреннего телефона, набрал три цифры, что-то коротко, рублено рявкнул в нее.

Через минуту вошла пышная прапорщица без возраста, а еще через пятнадцать минут гордый собой Йоська шел домой с документом, в котором уже было все как надо.

Дома он похлебал крошки, отрезал кусок арбуза и, откусив сочную сахарную мякоть, открыл военный билет, удовлетворенно хмыкнул, пролистал, и...

В билете был вкладыш. Во вкладыше в графе «Ф.И.О.» было написано Шерман Иосиф Давидович, а в графе «национальность» значилось... «русский».

Бросив недоеденный арбуз и надевая на ходу рубаху, Йоська рванул в военкомат.

Ну, дальше вы знаете. Окно «приемки-выдачи», прапор, муха, невразумительный диалог, хмурый военком...

Глаза полковника стали свинцовыми, он вскочил, грохнув протезом по столу и гаркнул:

– Я тебя, пада, вылечу! Ты у меня, сука рыжая, в саперный батальон, под Кандагар пойдешь!

Йоська не помнил, как оказался на улице. По дороге домой он сжимал в дрожащих руках «белый» военный билет и думал, как же он ненавидит армию.

А потом Йоська поступил в медицинский институт. Он хотел, как и папа, быть хирургом.

А потом, на шестом курсе влюбился. На всю катушку. Ни спать, ни есть, ни вдохнуть, ни выдохнуть. И даже то, что она была комсомольской активисткой, не остановило его.

А потом, после института, она поехала в Афганистан. Йоська поехал за ней и провел там три года, оперируя в тяжелых полевых условиях.

А потом осколок. Йоська летел с ней сначала на вертушке, затем сопровождал цинковый гроб, сидя рядом с ним в брюхе грузового борта.

А потом он работал и пил. Пил по-взрослому. Год.

А потом молоденькая медсестра родила ему мальчика.

Когда Йоська полез в ящик, где хранился его паспорт, чтобы пойти и зарегистрироваться с ней, то наткнулся на военный билет.

А потом он плакал, глядя на вкладыш, и слезы возвращали его в то лето, к той радости, что не надо в армию и к военному, который растворился в мирной жизни...

Я ехал по дороге детства
и улыбался.
Ушла тревога, запело сердце
и я попался...
На смех и слезы, на бодрость утром
и на варенье,
на звезды, вздохи, и ту, которой
стихотворенья.

Я помню эти дома большими,
а в том подъезде,
зимой мы грелись и целовались,
и пели песни.

Как много солнца! Прозрачен воздух,
и дышит небо,
знакомы лица у всех прохожих
и пахнет хлебом.

Все снова живы, опять мы вместе,
и, слава Богу,
что сны нас как-то приводят в детство,
на ту дорогу!

Свидание

Она была на 23 года моложе.

Каждый раз, когда я касался ее гладко-прозрачной кожи, когда вдыхал молочный запах ее нежного девичьего тела, мое сердце останавливалось...

Она подошла, яркая, легкая, призывная, открыла дверцу моего автомобиля и небрежно забросила в него свое удивительное тело.

– О! Выпимши? – спросил я, почувствовав легкий запах алкоголя, смешанный с запахом помады, парфюма... и молока.

– Был день рождения у Эдика, – ответила она, поправляя прическу, – отметили в коллективе.

– Что же я буду делать с пьяной женщиной? – спросил я, конечно, в шутку, конечно, с серьезным выражением лица.

– А пьяная женщина может уйти! – сказала она, не глядя на меня, и стала открывать дверцу.

Двадцать лет назад я взял ее за руку! Говорил ласковые слова! Убеждал в том, что не переживу, если вот так просто она уйдет!..

Я сидел и молча смотрел, как она выходит из машины... Она уходила яркая, легкая, призывно покачивая бедрами и не оглядываясь...

Пятнадцать лет назад я бежал за ней! Я догнал ее! Я кричал, что так нельзя! Я пытался обнять ее! Я не давал ей уйти, наплевав на прохожих, которые глазели на нас!..

Я медленно повернул ключ зажигания, не торопясь, развернулся, и поехал в противоположную сторону...

Через минуту раздался звонок.

– Не звони мне больше никогда! Хватит мучить меня! – телефонная трубка выплюнула в мое ухо ее голос. Я молчал, она не отключалась.

– Милая! Я же пошутил, ну что ты! – я говорил мягко и проникновенно.

– Да! Пошутил! Ты же знаешь, что я не терплю таких шуток! – не унималась она.

– Ну, перестань, птичка! Ты где? – я был эталоном нежности.

– Там. Стою... – сдалась она.

– Через три минуты я буду, солнышко!

Как я рванул к ней десять лет назад! Какой там Шумахер! Я выжал газ до предела и всерьез рисковал жизнью! Но через 3 минуты 12 секунд я был рядом с ней!..

Я ехал и думал, что тарелка щей будет сейчас в самый раз. А если еще обжарить отваренную вчера картошечку, да с котлеткой, да с огурчиком...

Через три минуты я набрал ее номер и спросил:

– Ты ждешь, милая?

– Да, милый, – ответила она. – Ты где?

– Не жди, любимая, я не приеду, – пропел я в ее розовое молочное ушко.

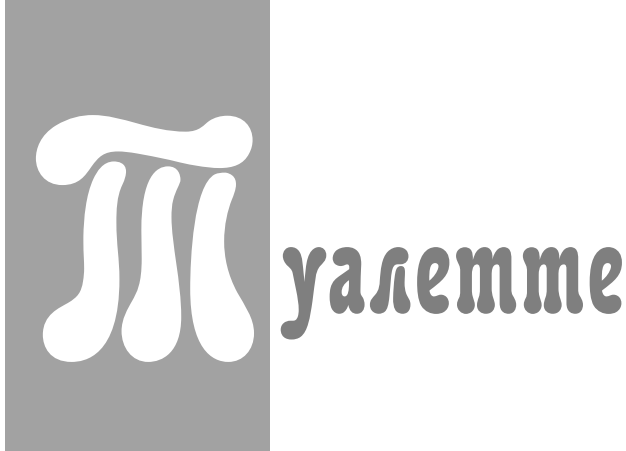

Ты сегодня отдала ключи.
От души? От сердца? От квартиры?
В бесконечной и пустой ночи
гаснут звезд холодные сапфиры.

Вновь собака воет на луну,
ей, собаке, безусловно, легче,
сам повыл бы, только не могу,
разбужу соседей, злых как черти!

Наврала гадалка по Судьбе,
не иди с тобой нам в Завтра вместе.
Мне Судьба играет на трубе,
а тебе поет, наверно, песни?

На прощанье дай в тебя взглядеться,
напоследок лучше помолчим.
От квартиры, от души, от сердца,
ты сегодня отдала ключи?

Вы знаете, что такое «Прада»?

Какиенибудь эрудированные умники скажут, что это дворец. В Испании. Там музей.

А вот и нет! Это такая марка одежды, дорогие мои! «Дьявол носит «Прада», Мэриэл Стрип, ну и всякое такое.

А знаете, как выглядит представитель «Прада», когда, нервно подрагивая ноздрями, он приезжает в бутики класса премиум, чтобы оценить возможность предоставления им счастливого права... нет, не продавать, а восхищаться Великой Маркой, предлагая ее своим клиентам?

Это само обаяние и вершина вкуса. Все выверено. Каждый шаг, каждый жест, каждый вздох. Каждая деталь.

В то же время, он холоден и неприступен. Таким был Марио.

Однажды Марио материализовался в нашем городе.

На третьем этаже галереи бутиков «Евромода».

Он критично высматривал, вынюхивал, выпрашивал, хотя желание, чтобы Великая «Прада» была здесь, читалось на его лице.

Мой друг, хозяин «Евромоды», с простым именем «haute couture» Арон Михайлович, неторопливо вел беседу. Разумеется, через переводчика.

Разумеется, рассказывал небылицы о том, как другие Великие Марки работают с его (единственным такого уровня в нашем городе) магазином.

О том, что у него товарные кредиты. Ха-ха! О том, что не знает, насколько наш город готов к марке «Прада», и будут ли ее покупать вообще.

Короче говоря, шаг за шагом, он истязал Марио, чтобы тот принял положительное решение.

Горячий итальянский парень, с трудом выслушав моего друга, стал критиковать магазин. И свет-де не такой, и коллекции-то неполные, да и вообще интерьер так себе. В общем, он делал все для того, чтобы Арон Михайлович, бухнувшись ему в ноги, запричитал и согласился на все условия.

Мой друг послушал-послушал... да и послал Великого Представителя.

Вместе с его обаянием, шиком, шармом, ну и всем прочим! Красный, как рак, Марио выскочил из магазина, впрыгнул в машину, которую давеча с наилучшими намерениями предоставил ему Арон Михайлович, и, сказав водителю: – Аэропорто! – громко хлопнул дверцей.

Все бы на этом могло и закончиться, но случилось самое банальное.

Марио захотел в туалет. Сильно.

Только машина уже переехала мост и поехала по дороге, где ни кафе, ни ресторанов, ни гостиниц.

Бедняге было очень плохо. Он проклинал и отвратительный кофе, и гнусный коньяк, и противный город, и... тут нашему гостю стало совсем невмоготу.

– Синьоре, туалете, – жалобным речитативом сказал он водителю.

– А-а! – улыбнулся водитель – Этого у нас сколько угодно!

И притормозил у деревянного строения, напоминающего скворечник со скошенной крышей.

Опасливо озираясь, поскальзываясь, наш герой добрался до заветной двери, открыл ее, вошел внутрь...

Когда он вышел, то стал уже другим человеком!

Он попросил водителя ехать назад, в магазин. Чеканя шаг измазанными ботинками, высоко подняв, всю в побелке, голову и потирая замерзшие руки, он подошел к Арону Михайловичу и стал что-то говорить. Горячо и быстро.

Пока искали переводчицу, водитель, похахатывая, рассказал моему другу, что приключилось.

Ничего не надо переводить, – твердо сказал мой друг. – Подписываю контракт!

Яркая, открытая улыбка Марио говорила о том, что его поняли абсолютно правильно!

Снег – приглашение зимы
с ней разделить восторг метели,
когда заснеженные ели,
став центром этой кутерьмы,
напомнят песенку из детства.

Мне утром тяжело распеться,
когда на сердце снова тяжесть
от то ли лет, а то ли бед,
и пригласительный билет,
на елку, мне уже не в радость.

Но к Новогоднему подарку,
как все, тянусь я спозаранку...

И утром снег еще не старый,
и после завтрака тепло,
и даже папино пальто
с моим костюмом ищет пару!

Я елям зимним улыбаюсь
и в снегопаде растворяюсь...

лыбка

Вы смотрели американский фильм «Тернер и Хуч»?
Посмотрите. У моего соседа было именно такое гладкошерстное рыжее животное с вечно слюнявой мордой и прозрачно-голубыми глазами маньяка.

Ну почему этот огромный бордосский дог всегда гадил на моем участке?

То есть, по-маленькому он ходил на своем, но только лишь пересекал со своим хозяином (моим соседом) границу между нашими участками, как начинал нюхать землю, а через мгновение уже шумно дышал и жмурился от удовольствия!

Неплохой парень Боря Манукян просто чокнулся с этой собакой.

Он строго по часам кормил ее, выгуливал, а главное, переехал с семьей жить на дачу, чтобы Солику (уменьшительно-ласкательное от Соломон) не мучаться в городской квартире.

Самое ужасное происходило, когда они приходили к нам в гости. В наш дом, который моя жена Марина, помешанная на чистоте, превратила в уютное стерильное гнездышко.

Что тут начиналось! Соломон бегал по комнатам, забирался на диван, занавески были заляпаны его слюной, а в тарелках и чашках поблескивали рыжие волоски, которые он щедро разбрасывал вокруг, периодически встряхиваясь всем телом.

Представляете мои ощущения, когда он своей восьмидесятикилограммовой тушей приваливался к моей ноге и нагло заглядывал в глаза?!

Однажды, когда Боря, насвистывая, направлялся к нам в гости, а Соломон рыхлил землю задними лапами, делая вид, что закапывает огромную кучу, я сказал:

– Боря, может Солик погуляет на улице, а мы попьем чайку в доме, поболтаем?

Боря задумчиво посмотрел на меня, потом на Сола, потом снова на меня и молвил:

– Старик, вот ты приходишь ко мне в гости с Петюней (Петюня – это мой пятилетний сын), я же не прошу, чтобы он погулял, пока мы болтаем за чаем на кухне!

Я очумел!

– Борюся! Петюня – ЧЕЛОВЕК, он МОЙ СЫН!

– У Солика тоже никого нет, кроме меня, он мне тоже как ребенок! – взвился мой недоношенный сосед.

– Очнись! Приходи с женой, с дочкой, я слова не скажу! Мы все будем рады! Детишки поиграют в человеческие игры!

Да хоть живите у нас! – принялся я втолковывать человеку, который слушал меня с тихой задумчивостью дауна.

– Я подумаю об этом, – прошелестел Боря... и исчез.

Я не видел его две недели. Когда, в выходные, мы приезжали на дачу, он приветственно махал мне рукой со своего участка и на этом, слава Богу, все заканчивалось.

Прошел еще месяц. Вечерело. Прохлада принесла легкость и комаров.

– Хозяева дома? – услышал я радостный голос и вздрогнул.

– Мы пришли!

– Ну, слава Богу! – подумал я и выглянул в окно.

Рядом с домом, как всегда, натруженно кряхтел Солик, а Боря... Боря держал на поводке черную вертявую таксу и счастливо улыбался...

Вы можете мне не поверить, но клянусь вам, эта сучка тоже улыбалась!

Я достал щенка из грязной лужи,
он, дрожа, смотрел в глаза пытливо.
непонятный, никому ненужный,
он скулил тихонько, сиротливо.

Сколько вас, забытых и бездомных!
Сколько нас, разбросанных по жизни,
то – невероятных, бесподобных,
то – уставших от судьбы капризной.

«Сам спасайся, разбирайся сам ты!
Не хочу салон в машине пачкать!
Что мне Львы Толстые, Гейне, Канты,
мне и одному удобно плакать!»

.....

Сухо и уютно на диване,
все дела, проблемы – далеко,
водка и томатный сок в стакане...
И щенок лакает молоко.

Фактазер

Сергеа умирал. Вернее, думал, что умирает. А о чем бы думали вы в реанимации областной больницы, с трубками в носу и бесконечной капельницей в онемевшей руке?

Первый раз Сергеа умирал после ранения. Голова звенела и лопалась, мозги вытекали из ушей, а сердце вырывалось из грудной клетки и выбивало виски в разные стороны.

Тогда, от ухода в мир иной, его удержала Маша. Машенька. Ангелочек.

Он и в Чечню-то поперся по контракту, чтобы ей и ее дочке стало жить полегче. В смысле денег.

Потом был госпиталь. Потом медаль. В конце концов, после долгих шести месяцев, все же удалось получить заработанные деньги, часть из которых уже сожрала гадина-инфляция.

Сергея пытался много работать, но головные боли (последствие контузии), время от времени сводившие его с ума, выбивали из колеи на неделю и его увольняли. В такие дни Машенька, вернувшись с работы, гладила его по голове, что-то ласково шептала и боль ненадолго уходила. Потом стало чуть легче.

Он устроился охранником в банк. Они наконец-то смогли заполнить всякими вкусностями холодильник, а когда Маша стала работать кассиром в том же банке, стали почти счастливы.

Почти. Сергей любил до безумия своего ангелочка. Он гладил Машеньке блузки, готовил завтраки, заботился о ее дочке больше, чем о своем сыне от первого брака.

Сергей жил и дышал Машей.

Маша хорошо относилась к Сергею, но она не то что бы не любила, нет, просто считала его вторым ребенком.

Любимым. Но ребенком.

Она постоянно говорила о нехватке денег, ужасной квартире, бесперспективном будущем.

Однажды, когда Сергей сорвался и запил, она выгнала его из дому.

После этого три дня Сергей жил в подъезде, буквально на половике у двери ее квартиры, и продолжал пить. Когда Маша втащила его, бессознательно-пьяного, в прихожую, он повторял как заклинание: «Ты моя любовь! Ты моя жизнь!»

Потом как-то вдруг все наладилось.

Сергея ушел из банка, взял в лизинг грузовую «Газель» и занялся перевозками. А через год у него уже была небольшая фирма, четыре «Газели», один «бычок», штат водителей и грузчиков.

Он купил Маше норковую шубу, колечко с бриллиантом, и почти накопил на новую квартиру. Маша расцвела, а ее подруги в банке стали ей открыто завидовать, тем более что...

Второй раз Серега умирал душевной июньской ночью. Маша, любимая и желанная, безмятежно спала рядом. Он смотрел на нее, и его сердце останавливалось от нежности к ней и мысли, что она уже не его.

Она изменила ему. С начальником охраны банка. Маша не удалила ЕГО смс. И Серега, который всегда ее ревновал, прочитал их вечером, пока она принимала душ. Утром, надеясь на чудо, он спросил. Она ответила. Правду.

Что любит ЕГО. Что ОН – тот мужчина, о котором она мечтала всю жизнь. Что все равно уйдет от Сереги. Вечером Серега напился. Один. В своем маленьком кабинете.

Он позвал диспетчера Риту, которая была равнодушна к высокому, широкоплечему и ясноглазому начальнику, долго целовал ее, ласкал ее крепкую, ждущую грудь... Но ничего не случилось.

Всю следующую неделю, каждый день, часами, Серега спрашивал Машу: – – – Почему? За что? – но та только молча смотрела на него глазами, лучащимися любовью к ДРУГОМУ.

Ночами Серега запирался в ванной и выл.

Через неделю он выпил все таблетки, которые были в доме, и уснул.

Он не слышал, как Маша пришла домой и, почувствовав неладное, стала будить его. Он не слышал, как она звонила ЕМУ и просила, чтобы помог с больницей, как друзья тащили его стокилограммовое, теряющее жизнь тело по лестнице, запихивали в машину, как летели, нарушая все правила дорожного движения, в областную больницу.

Он просто открыл глаза в реанимации и подумал, что умирает.

Он прощался с жизнью, ставшей пустой и никчемной без Маши, словно смотрел окончание любимого сериала.

...Вот кинокамера показывает окно, обрамляющее картину разгара лета, вот она отъезжает, и мы видим соседа слева, подключенного к аппарату искусственного дыхания... медленно белый потолок, кафель на стенах и на полу, и, наконец, крупным планом... задница.

Такая аппетитная, круто-крепкая, сексуальная задница в розовых стрингах!

Дело в том, что медсестра, юная и задорная, убирая судно под кровать, не присела, а просто нагнулась.

Короткий, по случаю лета, белый халатик делал этот кадр находкой для порнофильмов.

Серега очумел. Уже ушла сестричка, уже сменили бутылочку

на капельнице, а у него перед глазами стояла эта сочная задница в розовых стрингах!

Он вспомнил, что когда ЭТО произошло у них с Машей в первый раз, на ней были такие же розовые полосочки, которые унесли его в космос, сделали «ласковым и нежным зверем» – так шептала Машенька, целуя его контуженную голову.

Как же ему было хорошо с ней! Как же жить дальше без нее?! Зачем?

Мысли о Маше и о загубленной жизни не могли отогнать порочно-сладкое видение.

Вдруг Серегу бросило в холодный пот, – он ощутил мощную, небывалую эрекцию. А когда засунул руку по одеяло, чтобы сравнять «холмик», постыдный для реанимационного отделения областной больницы, неожиданно бурно кончил.

Позже он вспоминал, как именно в этот момент понял, что нельзя обижаться на Жизнь. То есть, конечно, можно, только это глупо и смешно.

Она, Жизнь, будет продолжаться с тобой или без тебя.

Будет светить солнце, будет искриться снег, люди будут любить, изменять, рождаться, умирать, и это не зависит от тебя. Ты просто участник процесса.

Жизнь дает тебе возможность пройти через радость и горе, каждый раз теряя себя и каждый раз обретая себя заново.

Когда счастливая диспетчер Рита выбирала вместе с ним свадебное платье, он нагнулся к ее уху и прошептал :

– Обязательно одень под него розовые стринги, милая!

Скользкий скрип пера по восковой бумаге,
дрожавший огонек от умершей свечи,
мгновение – темнота напомнит об отваге,
и растворится страх в немеющей ночи.

Как страшно не успеть, забыть, не достучаться,
в дуэльной тишине, услышав скрип зубов,
вздыхнуть так глубоко, чтоб снова удержаться,
и не бежать, как раб от сброшенных оков.

А воздух напоен томлением и страстью,
и где-то юнкера шлют девочкам цветы,
а кто-то спит, опять всласть наигравшись властью,
как хочется бежать от грез и пустоты.

Нет, нам нельзя уйти и, дергая щекою,
нас держит за манжет неумолимый рок...
Как сладко уходить над сонной тишиною,
забыв про липкий страх, сумев спустить курок!

И капельки Судьбы просохнут на бумаге,
опять горит огонь, как тысяча свечей,
а Жизнь – Комедиант и, безусловно, Трагик,
закрутит все опять и жарче и сильней!

арактер

Кадры из детства.

По телевизору показывают «Депутат Балтики» с Николаем Черкасовым. Смотрим всей семьей.

Папа, отсидевший десять лет в сталинских лагерях, вздыхает и говорит:

– Эх, какие были люди! Какая идея! Все испоганили, паскуды!

Аполитичная, интеллигентная мама морщится и одергивает папу:

– Петя, прекрати!

Я смотрю и слушаю.

Когда, почти через тридцать лет, я сказал родителям, что решил избираться в Городскую Думу, папа, вздохнув, сказал:

– Давай, сынок!

А мама, поморщившись, спросила:

– Сынок, зачем тебе эта грязь?!

В общем, получив их благословение, я вошел в выборную кампанию.

Для людей неискушенных скажу, что есть разница в том, как ты избираешься – по партийным спискам, или по одномандатному округу.

В первом случае ты находишь веские аргументы для партийных начальников, борешься за место в списке, выступаешь от имени партии, и, фактически, особой личной ответственности за свои слова не несешь.

Я избирался по одномандатному округу. А это значит ходил по дворам и подъездам, школам, поликлиникам, торговым и промышленным предприятиям, которые расположены в данном избирательном округе, и разговаривал с людьми. Поверьте, это непросто, но, главное, каждый раз убеждая и обещая, ты принимаешь на себя личную ответственность.

Примерно за неделю до окончания предвыборной кампании я добрался до улицы с поэтичным названием «Одиннадцатый тупиковый проезд».

Вообще, названия улиц российских городов – это тема отдельного рассказа.

В данном же случае улица была действительно тупиковой, хотя совершенно непонятно, почему одиннадцатой, если ни первой, ни второй, ни, тем более, десятой в районе не было. Улица эта была ненужной, потому что гнилушки, хаотично разбросанные по ней, должны были вот-вот снести для

строительства автомобильной развязки метромоста, которое, к сожалению, затянулось.

На людей, живших там, особого внимания не обращали, а один из районных начальников вообще не рекомендовал мне ходить туда с рассказами о светлом будущем, дабы, не дай Бог, не быть битым.

Я, конечно, не внял его советам, но подготовился к визиту, на всякий случай пересев с тойоты «Камри» на демократичную «Волгу».

Проехав улицу, на которой можно было снимать римейк фильма «Мать» по одноименному роману М. Горького, я оказался около гаражей (кстати, добротных, кирпичных), на которых были наклеены яркие плакаты о встрече с кандидатом в депутаты Городской Думы.

Причем, как полагается, плакаты с моими портретами были наклеены поверх плакатов моих конкурентов.

Я вышел из машины, увидел человек пятнадцать аккуратных старушек и, вздохнув с облегчением, направился к ним, улыбаясь и здороваясь.

Вдруг из подъезда ближайшего барака (а жилым домом это сооружение точно нельзя было назвать), вывалилась яркая полупьяная компания, к которой присоединилась еще одна, появившаяся из-за угла соседнего дома (точно такого же). Во главе шумевшей группы человек так из двадцати двигалась чудо-женщина.

Она была молода и пьяна. Лохматая голова, покрашенная в фиолетово-зеленый цвет, домашний халат (кстати,

надетый на ночную рубашку), полы которого развевались от быстрой ходьбы дополняли картину отсутствия идеалов и падения нравов, как в фильме «Авария – дочь мента».

Группа товарищей настолько стремительно наступала на меня, что я отступил к стене гаражей, оклеенных, как я уже говорил, моими портретами. Вспомнив Евгения Урбанского в великом по своей циничной наивности фильме «Коммунист», набрал в легкие побольше воздуха, скорчил обаятельную улыбку и громко поздоровался с вновь прибывшими.

Молодая женщина была, безусловно, главной, поэтому она начала говорить...

Я вообще очень люблю русский язык, в том числе и его чудную ненормативную составляющую, которой после пяти лет работы на стройке могу пользоваться достаточно умело. Но то, что я услышал...

Дама была мастерицей.

Когда она закончила свой спич под одобрителный гул присутствующих, я, вспомнив Шона Коннери в роли Джеймса Бонда, проникновенно, но очень строго посмотрел ей в глаза и спросил:

– Как тебя зовут, прекрасное создание?

«Прекрасное создание» ошарашенно посмотрело на меня полустеклянным взглядом и сказала:

– Света.

И тут я дал Баталова из «Москва слезам не верит»:

– Светуля! – сказал я, – ты такая симпатичная, такая хорошая, у тебя такие выразительные глаза и сексуальная родинка над верхней губой! Зачем же ты, милая, так, а? Полностью обалдевшая Светуля, а с ней и вся ее гвардия молчали.

– Я, птичка, пришел, фактически, к тебе в гости! – наступал я. – Чтобы ты помогла мне разобраться! А ты? Нет бы, рюмочку предложить, по-нашему, по-русски!

Птичка икнула, а мужик, выдвинувшийся из-за ее спины, сказал:

– Братан, ты на Светку зла не держи, она тут у нас центровая, к ней сам участковый ходит – выпить и потрахаться. Ты давай, пойдём ко мне, посмотри, как живем!

Я уверенно сделал шаг вперед и, как Штраух, который играл Ильича в фильме «Ленин в 1918 году», бронзово сказал:

– Пошли!

Вы смотрели спектакль «На дне» театра «Современник», в котором мой земляк Евгений Евстигнеев играл Сатина? Вы видели декорации? Нет?

Жаль. Тогда скажем так, – дом одинокой старушки в заброшенной деревне российской глубинки показался бы отелом «Хилтон» по сравнению с местом, в которое мы пришли.

Пытаясь не вдыхать воздух, чтобы не стошнило, я вспомнил великие папины слова и выдохнул: «До чего довели, паскуды!», после чего быстро вышел на улицу. Там меня уже ждали.

Чуть протрезвевшая Светуля, кокетливо (по ее мнению) улыбаясь, держала в руках поднос, на котором стоял граненый стакан, до краев наполненный водкой, а рядом с ним, на блюде с отколотым краем лежали два бутерброда. Один – с сыром, а другой – с колбасой.

Над бутербродами, время от времени присаживаясь на них, кружили сытые мухи, а за спиной моей королевы стояла толпа и выжидательно смотрела на меня.

– Выпей с людьми! – сказала Птичка, похмельно икнув, и подошла ко мне.

Я посмотрел поверх голов людей, плотной стеной преграждающих мне дорогу, на деревья, которые уже оделись в желтолистье, на чистую синеву неба, на мелкие далекие облака, свободно плывущие в неведомые края.

Наступил момент истины.

И я, как Бондарчук в фильме «Судьба человека», уверенно взял стакан и, шумно выдохнув, выпил до дна.

Толпа выдохнула вместе со мной.

Когда я вздохнул, толпа выдохнула еще раз.

– После первой не закусываю! – гордо произнес я известный с детства текст.

Мне захлопали. Светуля сделала попытку обнять меня.

Я стал свободным, как облака...

– Всем в выходные за него голосовать! – билась в конвульсиях моя поклонница. – Сама проверю!

– Качать его! – закричал мужик, к которому я заходил.

– Стоять! – крикнул я, как опер из «Ментов». – Мне еще на другие улицы надо!

Как Спартак в исполнении Керка Дугласа я шел вперед шагом победителя через расступившуюся толпу.

Мне долго жали руку, обещали голосовать только за меня, а Светуля делала попытки забраться в машину, чтобы уехать со мной навсегда в Страну Радости.

Я приехал домой. Принял душ. Выпил рюмку водки.

Когда я, с удовольствием, откусил от ломтика свежего батона, накрытого нежной докторской колбаской, то вспомнил мамины слова.

И улыбнулся.

Последний герой
в каждом времени свой,
последний приют – как грех,
последний ответ
для желтых газет,
последнему – радостный смех.

Последний вокзал
в тупике застрял,
последний вагон – в пути,
последний причал
всех в лодке качал,
последний – успел уйти.

Последний вопрос
избавит от грез,
последний шанс – как успех,
последний поэт
забыт и допет.
Последний – терпит за всех.

Щрюльжя

Почти сорок лет я хожу в одну и ту же парикмахерскую. Сначала меня водил туда папа. Когда я плакал и не хотел наклонять голову, чтобы тупой ручной машинкой мне ровняли стрижку и брили шею, он показывал вниз, под столик, и говорил:

– Видишь сынок, там тигр дерется со львом.

Я, конечно, не верил, что тигр и лев могут уместиться под столиком для парикмахерских принадлежностей, однако проблема кто сильнее, тигр или лев, настолько волновала меня в ту пору, что я начинал пристально смотреть под столик, на время забывая о неприятных ощущениях и переставая плакать.

Кстати, ответа на этот вопрос я до сих пор так и не знаю. Потом, подростком, я ходил в парикмахерскую сам, гордо зажимая в кулаке целых сорок копеек.

Мама категорически настаивала на стрижке «молодежная», презируя «канадку», а тем более «бокс» или «полубокс».

Парикмахерская располагалась (и располагается до сих пор) в цокольном помещении пятиэтажки, в одном из тех микрорайонов которыми застраивались российские города в начале шестидесятых.

В таком пятиэтажном «небоскребе» наша семья стала счастливым обладателем хором в двадцать четыре квадратных метра жилой площади, плюс кухня пять квадратных метров.

Зато до школы было пять минут ходьбы, а за десять минут можно было сбегать в хлебный, купить молока, посмотреть на пустые полки мясного отдела и насладиться вечной красотой хохломской росписи и палехских шкатулок в магазине со звучным названием «Галантерея».

Партия и Правительство заботились о том, чтобы уставшие от работы граждане могли купить все необходимое (ну, не было, не было мяса и колбасы, согласен, но суповые-то наборы были!) в непосредственной близости от места проживания.

Еще они (Партия и Правительство) заботились о здоровье граждан и о том, как они выглядят. Поэтому в каждом микрорайоне были поликлиника и парикмахерская.

Парикмахерская – это целый мир. Я, подросток, измученный поллюциями, наслаждался здесь обществом красивых, хорошо пахнущих женщин.

Бывало, невзначай, парикмахер касалась моей макушки упругой грудью, пробуждая во мне те самые юношеские фантазии, о которых порой скучают взрослые и умудренные жизненным опытом мужчины.

Я знаю почти всех мастеров в моей парикмахерской. У яркой блондинки Марины я стригусь уже тридцать лет. Мы параллельно выросли, сочетались браком, рожали детей и нам, конечно, всегда есть о чем поговорить. Обычно молчаливая, она всегда разговорчива и открыта со мной.

Однажды ее муж, приличный непьющий человек, увлекся подругой Марины. Он перестал играть по вечерам с детьми (у Маринки два чудных мальчика-близнеца, которые теперь уже сами стали папами), и стал пропадать на так называемых «подработках».

Мы прошли с ней разговоры на тему: «Что вам, мужикам, надо?», «Что у нее там что-нибудь другое, что ли?», «Как быть и что делать?», и даже затронули чудовищно-неловкую тему «Может быть, в постели я делаю что-то не так?»

Потом все пришло в норму. То ли муж Марины одумался, то ли наше обсуждение этих тем оказалось для нее полезным...

Рыжеволосая Наташка работает здесь лет пятнадцать. Она мне сразу понравилась. Сижу как-то раз, стригусь, Маринка хлопчет вокруг меня, я в зеркало, как бы на себя смотрю, а сам наблюдаю за жизнью зала. Вдруг вижу: новенькая. Рыжая, глаза серые, посмотрела, как выстрелила! Повернулась, пошла... в общем, очень аппетитно! Надо сказать, что в «перестроечные» времена парикмахерская стала частной, хотя, пожалуй, в ней изменилось

только название. Новый хозяин, видимо обожженный огнем Наташкиных кудрей, вскоре повесил вывеску «Золотые волосы».

После этого, заведение, с легкой Мариной руки, и работницы, и клиенты стали называть Цирюльней.

Натаха работала в одну смену с Мариной, за соседним креслом.

Иногда я читал на ее лице отпечаток бурно проведенной ночи, иногда ее глаза были глубокими и грустными.

Вскоре она вышла замуж за парня, который работал в литейном цехе металлургического завода. Все удивились.

Через год после свадьбы он запил. Все ее жалели.

Потом он бросил пить, и у них родился сын. Все радовались.

Потом снова запил. Все плакали.

Лет десять назад она попросила у меня совета. Я сказал, что советов не даю, но поговорить и высказать мысли вслух могу легко.

Хотите – слушайте и прислушивайтесь, не хотите – как хотите.

Мы говорили с ней на темы: «Что за радость пить эту гадость?», «Что вам, мужикам, надо?», «Как быть и что делать?» и даже затронули чудовищно-неловкую тему «Может быть, я в постели делаю что-то не так?».

Потом все пришло в норму. То ли муж Наташи одумался, то ли обсуждение со мной этих тем оказалось для нее полезным...

Вероника – милая и улыбчивая.

Она как-то так тихо и быстро вошла в коллектив, что кажется, будто она работала здесь всегда. На самом деле, лет десять тому назад, тоненькая, как тростинка, (но с выразительной грудью) и бледная, она стояла на крыльце Цирюльни и курила.

Я спешил (вечером надо было идти то ли на презентацию, то ли на день рождения), но остановился у дверей, сказал:

– Ну что же ты, милая, еще и куришь, а? И так худенька, бледненька, а тебе еще рожать! – и побежал дальше.

Расположившись в кресле, я с улыбкой рассказал Марине о своей неплохой, как я подумал, шутке.

Оказалось, что Вероника замужем три года, и у нее нет детей.

Ходила по врачам, те говорят все в порядке. Уговорила мужа провериться, и тут, по словам врачей, молодой, крепкий, спортивный парень оказался безнадежен.

Все это горячо и строго прошептала мне на ухо Марина, завязывая пеньюар, чтобы состриженные волосы не попали за воротник.

С тех пор у нас с Вероникой установился особый тип отношений.

Я делал ей комплименты и всегда дарил разные безделушки, которые привозил из частых зарубежных поездок.

Мне было жаль хорошую девчонку, и мы даже время от времени обсуждали с Мариной тему экстракорпорального оплодотворения (от донора).

Однажды, когда я вручал Веронике маленькую Эйфелеву башню, о чем-то болтая, она быстро и незаметно сунула мне в нагрудный карман пиджака записку.

Там был номер ее мобильного. Я позвонил. Она попросила встретиться и поговорить.

Мы говорили с ней на темы: «Все мужики эгоисты!», «Как быть и что делать?» и даже затронули чудовищно-неприличную тему «Где взять здорового и умного донора?»

В одно из посещений Цирюльни, я увидел пополневшую и порозовевшую Веронику, глаза которой излучали счастье.

Она родила здоровую и умную девочку. То ли врачи нашли способ помочь мужу Вероники, то ли обсуждение со мной этих тем оказалось для нее полезным...

Мне всегда тепло и уютно в Цирюльне. Как дома.

Мы болтаем, смеемся, переживаем за наших детей и Страну.

Я смотрю на таких разных, но таких одинаково хороших Марину, Наташу, Веронику, Лиду, Яну.

Я смотрю на них и думаю: «Как здорово, что они не знают о том, что в каждой из них есть частичка меня!»

Чашка чаю, чашка чаю,
Сахар – ты, а я – вода.
Вот сажу, ногой качаю,
Ложечкой туда-сюда.

Губы вытянуты жадно,
Втянут сладостный нектар,
Мне комфортно, мне приятно,
Пышет жаром самовар

Вот, казалось, незадача,
Полон стол, но нет гостей,
И потею я, до плача, –
Растворяйся поскорей!

В тихой нежности посланий,
В мягком шепоте любви,
Сбросив грусть своих страданий,
Ты ко мне скорей приди.

Чашка чаю, чашка чаю,
Сахар – ты, а я – вода,
Я тебя опять прощаю,
Ты простишь меня всегда!

Чудо

Когда я впервые услышал об этом чуде, то сразу понял – обязательно попробую!

Отзывы друзей были умопомрачительными. Казанова нервно курил в песочнице и посматривал в незанавешенные окна с детским любопытством и завистью.

Нет, в аптеках сначала купить их было нельзя, но до того как об этом стали писать во всех иностранных и некоторых наших глянцевого журналов, они уже были здесь!

По двадцать долларов за штуку. Безукоризненно гладкие и нежно-синие таблетки.

С музыкальным названием «Виагра».

Конечно, я сразу купил! Меня предупредили, что поскольку эффект происходит от активизации притока крови к пещеристым телам, то может быть ощущение легкого жара. Ну, и с алкоголем смешивать не рекомендовали. Принимать надо за 20–30 минут до контакта.

Моя новая знакомая была настолько юна, непосредственна и увлечена мной, что я решил именно ее задействовать в эксперименте. Тем более, очень хотелось быть не только неотразимым, но и произвести неизгладимое впечатление.

Был снят номер в гостинице, сервирован стол и зажжены свечи.

Пока моя пассия рассматривала картины на стенах гостиной, я проник в спальню и в тумбочку, которая стояла слева от кровати (я привык спать с этой стороны, что уж тут поделаешь), положил презервативы и волшебную таблетку (я же не знал, когда будет, да и будет ли вообще контакт).

Сценарий прелюдии банален и всем хорошо известен.

Сначала восторженные слова о ней, совершенно необычной и удивительной (10 мин), потом рассказы с упоминанием великих, как будто они все твои лучшие друзья (20 мин.). Все это время продолжается общение на «вы» и постоянно подливается вино (водка, коньяк – нужное подчеркнуть) в бокал. Потом предложение выпить на брудершафт, который плавно переводит вас в нежную прохладу простыней...

Все шло гладко, а ощущение, что в нужный момент (ну, например, в паузе между тем, что уже произошло и тем, что еще произойдет) я легко и незаметно проглочу трансформированные двадцать долларов и буду Супер, Мега и т. д., придавало легкость и продолжительность первому порыву страсти.

Она рассказывала о муже-негодяе, я кивал головой, под-
дакивал, а когда решил пойти в ванную, чтобы там прогло-
тить голубую радость жизни, она обняла меня, сказала, что
не отпустит и...

Это было чудесно, феерично, нежно и страстно, ласково
и настойчиво, так, как будто мы давно все знаем друг о дру-
ге и хотим вечно дарить друг другу радость...

«Виагра» – это рецепт счастья! Что было бы со мной без
этой таблетки?!

Как бы я жил дальше? Кем бы был? Не знаю. Не представ-
ляю...

На следующий день она переехала ко мне жить.

Прошло уже четыре года и каждую ночь чудо повторяется,
а каждый день я жду ночи.

Мне хочется закончить работу и скорее бежать домой,
чтобы после ужина, легкой болтовни и просмотра очеред-
ной серии очередного бесконечного сериала окунуться
в ласковую прохладу простыней...

Но! Всегда в прикроватной тумбочке (слева) лежит завет-
ная таблетка.

Так, на всякий случай!

Всю жизнь везло на сумасшедших дам.
Они смеялись, плакали, кусались,
под поезд почему-то не бросались,
но думали, что я им все отдам.

Я отдавал и нежность, и тепло,
считая недоумие талантом.
Давал гусара, бряцал аксельбантом,
но оказалось это все не то.

Я даже, временами, их любил,
но никогда надолго не хватало
терпения финал считать началом.
Я забирал себя и уходил.

Но вот опять ресниц случайный взмах,
и тайное волнение в груди,
и, зная все, что будет впереди,
тону я в сумасшедших тех глазах...

Шумка

Знаете, есть такая шутка: «Вы не любите кошек?! Вы просто не умеете их готовить!» Так вот, я кошек не люблю ни в каком виде!

Когда летним субботним утром на пороге моей квартиры возник Палыч, нежно прижимающий к себе своего любимого Кузю, я сразу заподозрил неладное.

Мы дружим с первого класса (школьные учителя до сих пор вздрагивают, вспоминая нас), да еще ко всему прочему я крестный его дочери Лизы.

Кузя – жирный, наглый, избалованный кот, абсолютно белый, с голубыми глазами. Любимец семьи. Самый большой таракан в башке Палыча.

Смотрят, значит, они оба на меня сонного, и Палыч ласково так говорит:

– Мишаня, пусть Кузя у тебя побудет до вторника, а? Нам к теще надо ехать. Я вот и корм принес, и туалет его, чтобы ты не ругался, а?

Только я набрал в легкие побольше воздуха, чтобы послать его куда подальше, как он со словами «Лизонька только тебе и доверяет, а!» выпустил Кузю, быстро сунул мне в руки коробку с туалетом и кормом, а сам бросился вниз по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки.

Мне ничего не оставалось, как сбросить с себя тяжеленного Кузю, поставить в прихожей туалет, положить на кухне кошачью еду и ругать Палыча последними словами!

Так вот, этот котяра прогулялся по квартире, все обнюхал, удобно расположился в моем кресле и начал хитро на меня поглядывать.

Я, признаюсь, всегда раньше думал, что кошки спят (ну, или лежат) свернувшись калачиком, становясь при этом трогательными и беззащитными.

Кузя же расселся (в буквальном смысле слова) таким холёным самцом, раскинув лапы и выставив живот. Только я хотел вышвырнуть его в коридор, на половичок (по моему понятию ему там самое место), как он уснул. То есть, реально, закрыл глаза и начал похрапывать.

Я пошел на кухню, поставил чайник, достал хлеб, нарезал колбасы... тишина.

Когда я начал жевать первый бутерброд, раздался звонок сотового.

Палыч радостно рассказал мне, что Кузя спокойный и обычно любит поспать на кресле, так что, если я не буду его тревожить и буду кормить в восемь утра и в восемь

вечера, все будет чудненько. Выпалив этот текст, мой друг благоразумно отключился.

Суббота выдалась суетной. После завтрака я мотался по торговым точкам, потом на склад, потом завез кое-что маме. Домой приехал уже около семи вечера. Все было действительно чудесно: Кузя спал, предварительно сходя в свой туалет. Спал, уже свернувшись калачиком. «Умница!», – подумал я, разогревая картошку с котлетами. Пока я возился с овощным салатом, котик проснулся, потянулся и требовательно посмотрел на меня. Я поставил на пол блюдце, насыпал туда «Китикэт» (признаться, не удержался и попробовал сам – совсем неплохо), посмотрел, как Кузя хрюпает свою пайку, и всерьез задумался над тем, не изменить ли свое отношение к кошкам.

Потом я пил чай, а Кузя тем временем терся о мои ноги...

В два часа ночи, когда сон особенно крепок, меня разбудил звук ударов о дверь спальни. Ничего не понимая, я открыл дверь и увидел, как Кузя, разбегаясь, готовится к очередному прыжку. Дав ему пенделя, я закрыл дверь и мгновенно уснул, но уже через пять минут снова проснулся от грохота на кухне – это «котик» играл блюдцем.

До шести утра творилось что-то невообразимое. Выспавшийся Кузя носился по квартире, обрывал занавески, разбил вазу с цветами и помочился в мои ботинки!

– Задушу, подонок! – закричал я и действительно так крепко сжал Кузю, что он притих. Я уснул измученный, с накатившей головной болью.

В восемь утра Кузя, требуя завтрака, голосил так, как-будто Игорь Кио, распиливал свою ассистентку по-настоящему. Позавтракав, эта падла уселась в кресло и мгновенно уснула, похрапывая.

Я посмотрел на себя в зеркало...в общем, лучше бы я не смотрел.

Мне представились бессонные ночи воскресенья и понедельника.

– Нет! – решил я, и, как достойный последователь учения Павлова, начал думать, что делать дальше. Впав в полудрему, я вспомнил детство, как мы гоняли кошек... Эврика!!!

Словно ошпаренный, я бросился на кухню, взял консервную банку из-под «Китикета», метнулся в туалет, достал из шкафчика инструмент и кусок капроновой бечевки (все-речь подумав при этом, не линчевать ли Кузю!).

Сделал в банке дырку и продел в нее бечевку, завязав морским узлом. Положил в банку несколько металлических шариков от старого подшипника.

Закрыв крышкой и заклеил скотчем, чтобы шарики не выпали. Тихонько, чтобы не потревожить, привязал другой конец бечевки к хвосту спящего Кузи.

С огромным удовольствием дал коту такую оплеуху, что его, как ветром, сдуло с кресла.

Сонный Кузя, не понимая в чем дело, рванул на кухню, сопровождаемый грохотом консервной банки.

Сам я отлично выспался в машине, попил пивка в кафе, с особым удовольствием отправляя в рот куски хорошо

прожаренного мяса именно в восемь часов вечера, когда котика нужно было кормить!

Когда я подъехал к дому, тетя Глаша, бессменный часовой у дверей в подъезд, сказала, чуть поджав губы:

– У вас, Михал Ефимыч, еще работают!

Из моей квартиры доносился ровный гул – это Кузя, так ничего и не поняв, носился по квартире, дуря от грохота консервной банки!

Ночью мы с котиком спали, как боги.

С утра же, как только Кузя поел, я, сжав его в братских объятьях, снова привязал к его хвосту волшебную банку и ушел на работу.

Надо ли говорить о том, что малыш не только чудно уснул вечером, но и проспал завтрак?

Вернулся Палыч и, забирая Кузю, торжественно вручил мне пол-литровую бутылку «Хеннеси». Поблагодарил, пряча глаза, и испарился.

Через неделю он тряс мою руку, смотрел на меня повлажневшими глазами и говорил:

– Он спит ночью, а! Как это ты, а?

А вам знакомы отупение
и грезы раннею весной,
когда от женщин слабнет зрение
и часто ходишь сам не свой?

Когда вдруг стало очень грустно,
вдруг без причины громкий смех,
вдруг письменно, а чаще устно
послать подальше хочешь всех?

Когда сидишь на витамине,
когда с утра вставать невмочь,
когда завидуешь скотине,
что в стойле спит и день, и ночь?

Так вам знакомо отупение?
Оно – расплата за грехи.
Пора бороться с обострением!
Пора читать мои стихи!

езоль

Вы когда-нибудь пробовали организовать свадьбу?
Заказать ресторан, согласовать меню, пригласить тамаду
и артистов?

Не приходилось ли вам делать это году так в 1985, когда
места в ресторанах всегда заняты, меню очень скромное,
а свадьбы разрешаются только безалкогольные?

Приходилось? Тогда вы меня поймете!

Нет? Тогда вам будет интересно!

Самостоятельный и половозрелый, я объявил о своем же-
лании сочетаться законным браком «счастливым» родите-
лям, и попросил папу договориться с каким-нибудь ресто-
раном (в то время в нашем городе-миллионнике их было
целых шесть) о проведении знаменательного торжества.

Папа, в майке и трико, курил сигарету, улыбался с прищу-
ром и молчал.

Когда сигарета была докурена до самого фильтра, он вни-
мательно посмотрел на меня и сказал:

– Сынок, ты уже взрослый, самостоятельный мужчина! Попробуй сначала сам, в жизни пригодится. Я гордо вышел из кухни, зашел в свои восьмиметровые апартаменты и задумался.

Поразмыслив, я остановил свой выбор на ресторане «Москва».

Во-первых, звучит неплохо, а во-вторых, он находился в самом центре города.

Именно там, в ресторане с названием, характерным не только для провинциальных городов огромного СССР, но и для самой столицы нашей великой Родины, подавали блюдо с волшебным названием «строганина».

Из медвежатины! По цене сто четыре рубля за порцию!

Я работал мастером на стройке, получал сто пятнадцать рублей в месяц, и поесть «строганину» для меня было все равно, что слетать на Марс!

В то время как страна развитого социализма распевала песню о том, «что на Марсе будут яблони цвести», я мечтал, «что нарезанное соломкой, выдержанное в специях, замороженное и поданное к столу сырым чудо-мясо» будет таять у меня во рту.

Ресторан «Москва» я выбрал еще и потому, что там был уютный банкетный зал, вмещавший до сорока человек.

Так как ни у меня, ни у моей будущей жены не было желания любоваться большим количеством жующих и пьющих родственников, часть которых, как правило, впервые

можно увидеть именно на свадьбе, то нас этот зал вполне устраивал.

Оставалась сушая малость – договориться. Вот только с кем?

Конечно, я решил идти к директору ресторана и в простой, доверительной беседе, обаяв (если женщина) или попросив понять (если мужчина), решить эту несложную задачу.

Потом я задумался о том, какой же из двух имеющихся у меня костюмов выбрать для такого серьезного разговора. Я надел темно-коричневую тройку из микровельвета (невообразимая красота!), привезенную за три года до этого из туристической поездки в Болгарию (завидуйте!), под жилетом которой красовалась кремовая рубашка из той же Болгарии.

На ногах – беспроигрышная немецкая обувь «Саламандер» черного цвета (Германия! Только по благу!)

Посмотрел на себя в зеркало. Я был сверхнеотразим!

Однако для того чтобы сразить наповал директора ресторана была нужна еще какая-нибудь деталь, мелочь, аксессуар...

Хочу обратить ваше внимание, что должность директора ресторана тогда была не ниже генеральской, а иногда, особенно в преддверии праздников, и повыше.

В общем, надо было что-то добавить к моему неотразимому виду, чтобы меня пустили в заветный кабинет и не отказали.

Тут меня осенило! Я открыл ящичек секретера, достал картонную коробочку и, секунду поколебавшись, надел на безымянный палец левой руки...папину печатку.

Для тех, кто не знает: печатка – это вид перстня, который был тогда в моде. Их гордо носили начальники и подчиненные, досрочно освободившиеся и несудимые, инженеры и таксисты...

Пожалуй, таксисты особенно их любили – печатка была их корпоративным знаком.

Чем крупнее была печатка, тем, соответственно, ты был солиднее.

Кучерявые и длинноносые мастера колдовали над принесенным золотым ломом, создавая истинные «произведения искусства» с головами львов, быков, змей или инициалами будущего владельца.

Вот и моя мама, несмотря на то, что «согласно мнению» носить печатку было неинтеллигентно, все же купила ее папе на день рождения.

Итак, образ был создан.

Проехав пять остановок на трамвае, я оказался у служебного входа в ресторан «Москва» и уверенно зашел внутрь. Этаким Ален Делон, случайно попавший в российскую провинцию, подошел к двери с табличкой «Директор», выдохнул и дернул ручку на себя.

В небольшой приемной, за печатной машинкой, сидела сиреневая секретарша. На ней были сиреневое платье

и сиреневые бусы, сиреневая помада лежала на ее чувственных губах, сиреневые тени украшали глаза.

Излишне говорить о том, что маникюр и волосы тоже были сиреневого цвета.

Она оценивающе взглянула на меня. Я подарил ей лучезарную улыбку.

Ее взгляд остановился на печатке. Я открыл рот, чтобы сказать что-то, типа...

– Подождите за дверью! – резко бросила она, не дав мне вымолвить ни слова.

– Да я... – попытался проблеять я, но она оборвала:

– Сан Саныч сейчас выйдет!

Я неплотно закрыл за собой дверь, чтобы слышать, видеть и понимать происходящее.

«Ну, допустим, Сан Саныч – это директор. Хорошо. Почему он выйдет ко мне? Чего мне ждать? Да еще за дверью?» – примерно так рассуждал я, находясь в полном недоумении.

Подслушивать и подглядывать пришлось недолго.

Через минуту из кабинета в приемную вынес свое уважаемое тело розовощекий господин неопределенного возраста с узкими щелками вместо глаз.

Сиреневая секретарша вскочила и пропела:

– Машина уже пришла, таксист только что заходил, я велела ждать вас за дверью!

Свадьбу в ресторане «Москва» мы все же справили. Папа договорился.

Перевалив экватор неудач,
скажу, что солнце светит по-другому,
когда все просто-напросто здоровы,
когда не лают псов дешевых своры,
не слышен громкий или тихий плач.

Как часто мысли вязнут в паутине,
что ткали темной ночью пауки,
уносит прочь течение реки,
без возгласов, протянутой руки,
всех тех, кого мы знали и любили.

Что Судный день? Развязка? Все? Финал?
По девяти кругам поход в ничто?
Босые ноги, рваное пальто,
уже нигде, а значит, и никто?
И душу навсегда ли Бог забрал?

Я расскажу присяжным анекдот,
я судьям принесу не чай, коньяк,
все рассмеются, надо же, дурак,
весь в ранах от давно забытых драк,
устроивший в своей душе бардак,
одетый в то же старое пальто...

кзамех

Часы....

Я хотел их всегда. Но не ту золотую «Победу», которую дедушка купил себе, потом подарил папе, а папа – мне...

Я хотел наручное счастье из неведомой Швейцарии.

Там, в предгорьях Альп, где воздух чист «как поцелуй ребенка», где холеные коровки с колокольчиками на шее щиплют травку (такого же цвета, как на плакате «Берегите лес»), там, где родина дивно поющего слова «Фондю» (которое я долгое время считал вскриком в каратэ), только там могли сделать такой чудо-хронометр.

Я, начинающий предприниматель, замороженно стоял у стеклянных витрин в аэропорту Франкfurта и, не отрываясь, испытывая дикий восторг, читал заветные имена: «Вашерон Константин», «Патек Филлип», «Аудемар Пеге», «Бреге», «Роллекс»...

Чуть позже, я, представитель в России ряда итальянских производителей мебели, увидел ТОТ «Роллекс» на полочке под зеркалом.

Зеркало висело над раковиной. В туалете. На мебельной фабрике. В Италии.

Я мгновенно вспотел и осмотрелся. Никого. Я один...

Часы отсвечивали холодной сталью гордого корпуса, манили в неизведанно-прекрасное черным (как вселенная с мириадами звезд) циферблатом...

НИКОГО...

О, как мне хотелось взять их, положить в карман и уйти. Уйти прочь. Наплевать на солидный контракт.

Наплевать на добродушного и гостеприимного хозяина фабрики.

Послать к черту Италию, с ее пиццей, спагетти и Муссолини!

А я ведь уже начал гордиться собой!

Я перестал забирать из гостиничного номера ручки и блокноты (которые, кстати, с идиотской настойчивостью, каждый день опять появлялись на прикроватной тумбочке), чтобы презентовать их вечно ждущим халяву друзьям на Родине.

Я уже начал носить костюмы Канади!

Но ЧАСЫ. ЧАСЫ! ЧАСЫ!!!

Немееющими пальцами я взял долгожеланный хронометр.

Примерил. Аккуратно снял, трепетно положил в карман.

Вышел из туалета. Улыбаясь, прошел по коридору офиса и мягко отворил дверь кабинета хозяина фабрики.

Как же я ненавидел себя, когда небрежно достал из кармана свою мечту и положил ее на крышку стола.

– Вот! Кто-то забыл в туалете! – сказал я, и улыбка застыла на моем лице.

О, кэй! – сказал милашка-итальянец и легким движением смахнул «Роллекс» в ящик стола...

Сегодня я с удовольствием ношу хронометр «Аудемар Пеге», а, уезжая в командировку или на отдых, заменяю его на «Сантос де Картье»...

Но иногда, просыпаясь по утрам, я думаю, а возвратил ли он их?

Жизнь, загибая загогулину
зигзагом,
зовет забытый заводной
мотив,
и я, шагая шаркающим
шагом,
шарахаюсь, шаблоны все
забыв.
Я говорю пугающую
правду,
по-правде получая
позитив,
особенно отлично
и отрадно
открыть отпетый жизненный
мотив.
Как манит мнимой музыкой
молчанье,
молитва многомерна,
но суха,
слова стирают смысл, смешав
посланье,
сбивая спесь со смеха
и стиха.

Кто пел, боясь беседы Бога
с бесом,
бывал богатым, бедным
и больным,
тому напомним, напевая
мессу,
нюансы новоявленных
картин.
Слух, удалив убогие
улыбки,
уловит узаконенную
фальшь,
чарующие чокнутые
скрипки
зовут в чертогами чернеющую
даль.

Юмор

Недавно поймал себя на мысли, что в последнее время не могу смотреть юмористические передачи.

«Кривое зеркало» раздражает дешевым кривляньем, «Камеди клуб» порой зашкаливающей пошлостью, Михаил Задорнов ироничной злобой, и т. д. и т. п.

В то же самое время я, как дитя, хохочу, наблюдая за бурей в стакане воды, которая называется «К барьеру», или когда наш министр финансов рассказывает, какие усилия предпринимаются для сохранения Стабилизационного Фонда России.

Надо сказать (хотя юмор интернационален), что существует специфика шуток в разных странах.

Американцы смеются над несчастным Джимом Керри, англичане над Мистером Бином, итальянцы над Берлусконе, а немцы, вообще, стараются сохранять нордическую серьезность.

В нашей стране юмор, шутки и смех помогали людям выживать в тяжелые, смутные времена и сохранять самое главное достояние России – наш Генофонд.

Вообще, для меня, показателем психологического здоровья является то, может ли человек посмеяться над самим собой, не обидеться на шутку в свой адрес, даже если эта шутка была не очень удачной.

Я думаю, что главным слоганом двадцать первого века мог бы стать, например, такой – «Шутите и люди к вам потянутся!»

У меня много друзей, которые умеют «вкусно» шутить, но, пожалуй, самый яркий из них – Гоша Сашин.

Дело было в Нью-Йорке.

Гоша с женой, братом и женой брата приехали посмотреть на заокеанское житье-бытье, о котором Гоша имел представление только по фильмам, которые заполонили телевизионные экраны, и вызывали наши частые споры. Он восхищался творчеством Гая Ричи и братьев Коинов, а я говорил о том, что это юмор тупых поедателей гамбургеров.

Я говорил о Николсоне и Хоффмане, как о профессионалах с большой буквы, а он считал их слабыми актерам, и т. д. и т. п.

Так вот Гоша захотел сам убедиться, как они там, в Америке, без нас справляются и не надо ли им чего подсказать.

Отель «Плаза», в котором поселился мой товарищ, находится в самом сердце Манхэттена, рядом с Центральным парком.

Гошу поразил американский размах. Он любовался Манхэттенем из окна ресторана на шестнадцатом этаже

отеля, его удивляли невысокие цены на товары, особенно на алкоголь («Представляешь, Петрович, «Хеннеси», литровая, стоит восемьсот рублей, а у нас пять штук, охренеть!») и постоянные улыбки на лицах людей.

Примерно на пятый день пребывания, Гоша (с родственниками) возвращался в отель после легкого шоппинга. Руки оттягивали сумки с «сейловым» товаром, поэтому все были в хорошем расположении духа.

Одной из достопримечательностей отеля «Плаза» является стеклянный лифт с панорамным обзором. Рассчитан он, примерно, на тридцать человек и каждый пассажир может, по своему выбору, любоваться либо внутренним интерьером отеля, либо великолепным видом на Центральный парк и Манхэттен.

Когда наша компания подошла к лифту, и Гоша гордо нажал на кнопку вызова, следом подтянулась разношерстная группа туристов, которые, видимо, только что вернулись с однодневной экскурсии по Нью-Йорку.

Гоша посмотрел на эти, такие разные (белые, желтые, коричневые, лиловые), лица, которые, в данный момент, были объединены чувством усталости, и пожалел бедолаг.

Когда пришел лифт, Гошина жена и его брат с женой зашли в него и, облегченно выдохнув, поставили сумки на пол, а сам Гоша стал вежливо пропускать в стеклянную кабину уставших туристов.

Он улыбался женщинам, солидно кивал мужчинам, даже умудрялся поддерживать (и это с сумками в обеих руках!) чистеньких старичков.

Гоша последним зашел в лифт, но дверь не закрылась, а раздался мелодичный сигнал.

Это означало, что лифт перегружен и кто-то должен выйти. Разноцветные лица повернулись в Гошину сторону и недвусмысленно посмотрели на него. Женщины – сочувственно, мужчины – строго, а чистенькие, добренькие старички – осуждающе.

Гоша говорил потом, что именно в этот момент он понял, насколько мы разные и насколько мы похожи!

Мой товарищ торжественно и печально, как капитан, покидающий тонущий корабль, сделал шаг назад, из лифта.

С радугой лиц произошла мгновенная метаморфоза. Кто-то стал смотреть в сторону, кто-то в потолок, кто-то улыбаться и болтать, кто-то одобрительно кивал Гоше, пока дверь лифта тихо и бесшумно закрывалась.

Но! Ровно за три секунды до того как дверь закрылась, раздалось яростно-энергичное:

– Эй!

Мгновенно примерно тридцать голов повернулись в сторону двери.

За секунду до того, как дверь лифта закрылась, пассажиры увидели Гошу.

Пакеты валялись у его ног, правая рука была вытянута вперед, кулак сжат, средний палец поднят вверх (видимо указывая направление движения), а сам Гоша безмятежно улыбался...

Как Есенин, читаю стихи проституткам,
становясь сутенером израненных душ,
улыбаюсь своим непонятым поступкам,
принимаю эмоций спасительный душ.

Средний возраст создал замечательный кризис,
на него я спишу перезрелую дурь,
недовольство собой и смешные капризы,
и стакан, где вода забурлила от бурь.

Я ищу в переходах сознания выход,
маюсь ночью бессонной в его тупиках,
но нашел только грешную сладкую прихоть
и мозоли на стертых до крови ногах.

Я блефую, себя называя счастливецом,
имитирую сложность неравной борьбы.
Если мог бы, давно бы ушел к нечестивцам,
чтобы вздернуть на дыбе Судьбу на дыбы!

Я

Я помню себя, начиная с двухлетнего возраста.

Помню две комнаты коммунальной квартиры, где я жил вместе с папой, мамой, бабушкой и маминной сестрой.

Помню соседей. «Чокнутую» Тamarочку, которая вечно бегала, громко хлопая дверями. Дядю Ваню с дворнягой Шариком, лизавшим меня прямо в нос, и тетей Пашей, которая угощала меня блинами. Тетю Иду, «Идочку», развлекавшую себя на старости лет кухонными скандалами и тихого дядю Соломона, который сладко курил трубку и обманывал меня, что она шоколадная.

Я помню окно в нашей комнате, выходившее в небольшой сад, за которым протекала неведомо-притягательная жизнь.

Помню, как папа подходил сзади, щекотал мне пальцами шею и говорил, выдыхая вместе со словами папиросный дым:

– Давай, шуша, смотри, там много всего. Вон, видишь... – а дальше следовал какой-нибудь очень интересный рассказ

о том, что происходит за окном и чего я, конечно, не видел.

Зато я помню, как с замиранием сердца ждал у окна папу, как визжал от восторга, когда его пальцы щекотали мою шею, а его слова рисовали в моем сознании волшебные картинки.

Прошло черт те знает сколько лет...

Давно нет папы, окна, коммунальной квартиры, страны в которой мы жили...

Но каждое утро, когда сон уже почти ушел, а явь еще не наступила, я становлюсь тем маленьким мальчиком, «шущей», который стоит у окна и ждет папиных рассказов.

* * *

Я утром посмотрел в окно...
Весна открыла душу лету,
апрель смеется над приметой,
что переменчив он давно.

Трава зеленая шуршит
твоими легкими шагами,
и солнце разжигает пламя
увавшей за зиму души.

Вот теплый ветер нежных слов
слегка колышет занавески,
к тебе уносит арабески
моих желаний, мыслей, снов.

* * *

Я утром посмотрел в окно,
а там не видно ничего!
Там нет ни города, ни улиц,
ни ложек, вилок, чашек, блюдец.
там Ничего полным-полно!

Глаза протер до дыр в глазницах.
Как тихо! Улетели птицы,
не слышно голосов, трамваев,
собак и кошек, раздолбаев,
лишь скрежет Божьей Колесницы...

«Вот это да!» – подумал я,
мы заступили за края!
Теперь накатит и начнется,
последний точно посмеется!
И начал крик душить меня...

Проснулся. Тянет легким бризом,
дождь барабанит по карнизу,
на месте город и трамваи,
собаки, птицы, раздолбаи....
Опять уснул под телевизор!

* * *

Я утром посмотрел в окно,
в чужой стране другое солнце,
цветы на крошечном балконе
не пахнут, хоть цветут давно.

Красивая чужая речь,
чужие чистые постели,
а дома месяц – и метели
заставят нас камин разжечь.

Заставят в рюмочки разлить,
и, посмотрев в глаза друг другу,
мы скажем: «Наплевать на вьюгу!
Давайте лучше водку пить!»

* * *

Я утром посмотрел в окно.
Банально...
пустое жизни полотно,
так тривиально...
Убогий городской пейзаж,
и снегом
чуть припорошен антураж
побега
и от друзей, и от врагов,
о, Боже,
от умных, и от дураков,
конечно, тоже.
Пересекает грань полет
желаний,
но режет вены тонкий лед
страданий,
воспоминаний, как вчера,
недавно,
в окне еще была жара
и рано
я просыпался, и смотрел
на лучик,
который все уже успел,
лазутчик,
и твой нечеткий силуэт,
и тени,
и разрушитель всех побед –
сомненье...

* * *

Я утром посмотрел в окно,
там солнце светит обреченно,
зима, по сути, незаконно
ткет снова снега полотно.

Мы ждем волнения и капли,
обычный, в марте, вой котов,
а тут опять метут метели
и грипп – проклятье докторов.

Весна про первенца забыла
и март стал серым и пустым,
а мы к нему копили силы,
чтоб снова ярким был интим...

Зима, вполне определенно,
украли месяц у весны,
зато, какие снятся сны...
по сути, тоже незаконно.

* * *

Я утром не смотрел в окно,
а в замкнутом пространстве комнаты
уютно, тихо и тепло,
и ощущение, что со мной ты.

Еще не сожжены мосты
и пахнет нежностью подушка,
а чуть увядшие цветы
напоминают наши души...

Вот только тиканье часов,
меня невольно подгоняет,
и крутит время колесо,
где я другой, и ты другая...

* * *

Я слышу голоса... В дурдоме
палату кто-то приготовил,
а кто-то замешал на крови
лекарство от душевной боли.
Потом в смирительной рубашке,
надетой на живое тело,
потащат в вонючие застарелой
куда-то. Может быть на плаху?
По гулким коридорам мысли
стремятся в гонке за удачей,
и кто-то может быть заплачет,
запутавшись в глубоком смысле
того, что странно-непонятно.
Я слышу голоса, но знаю,
как нужно, не дойдя до края,
вернуться до зари обратно.

каржавал продолжается

*Лола Звонарева,
доктор исторических наук,
секретарь Союза писателей Москвы*

Если вы хотите почувствовать, как сквозь вас проходит поток времени, прочитайте эту книгу Дмитрия Бирмана. Его герои живут в историческом пространстве, которое состоит из утрат и потерь. Они потеряли молодость и первую любовь, доверие к миру и страну своего детства, многих друзей и близких... Но сохранили острую потребность оставаться собой в самых неожиданных ситуациях, рассматривая их, как своеобразный «экзамен», который в очередной раз заставляет сдавать человека его непредсказуемая судьба в условиях постоянно меняющегося постсоветского общества.

Разворачивая перед читателем пестрый соц-артовский карнавал, Дмитрий Бирман рисует его, смеясь и грустя, с любовью и печалью, еще раз убеждаясь, что для него никогда не существовало Выбора – остаться ли в этой стране навсегда или уехать в более теплые и уютные края.

В суетливом пространстве дня сегодняшнего, где рынок пытается диктовать свои условия, Дмитрий Бирман находит для своей «азбуки» слова и понятия-символы, чье бытование в современном мире значимо одновременно на нескольких уровнях. Карнавальные маски, в которые не без удовольствия рядится наша реальность, и смешат, и восторгают автора книги своей вызывающей нелепостью.

Еврейский юноша в российской провинции должен быть всегда готов постоять за себя в традиционных русских дворовых разборках – кулачном бою (новелла «Еврей»). Ну, а если ты хочешь оставаться собой, ни под кого не подделыва-

ясь и ничего не меняя в своей биографии, тебе обязательно помешает какой-нибудь сонный бюрократ или малограмотная провинциальная чиновница с нижних этажей власти, исказив в твоих документах биографии такую ключевую, унаследованную от предков деталь, как национальность, которая только им кажется непринципиальной (рассказ «Русский»).

Дмитрий Бирман свободно и документально точно фиксирует детали стремительно меняющейся реальности, выделяя главное – «Дороги», «Жизнь», «Заграница», «Кладбище» «Лень» (тракуемая по-обломовски, по-гончаровски), «Мании», «Одиночество», «Свидание», «Характер», «Чудо», «Я»...

Особое обаяние новеллам Дмитрия Бирмана придает легкий привкус добродушной самоиронии и беззлобной насмешки над достойными венецианского карнавала причудливыми масками российской действительности начала XXI века. Поэтому «Улыбка» и «Шутка» (названия двух важных для автора новелл) остаются опорными, ключевыми составляющими его философского словаря.

Неожиданная смена ритма повествования на границе каждой из новелл, органичный переход от прозы – к стихам, заставляет читателя нередко менять угол зрения, заметно освежая повествование. В стихах Дмитрий Бирман нередко исповедален. Они заставляют читателя все больше доверять автору благодаря особой проникновенности поэтической интонации, свежести авторского взгляда и парадоксальности отдельных строк.

Стихи Дмитрия Бирмана отличают яркая образность и живая метафоричность языка. В них много мудрых мыслей, честных признаний. Мы все время слышим голос обнаженной совести автора. В его поэзии чувствуется пронзительная лирическая нота «Песен, что нам пел свободный ветер, // Музыки дождей и снегопадов...», ей присущи философская глубина и разнообразие неожиданных, оригинальных ритмов, порождающих выразительную динамику строфы и усиливающих экспрессию повествования: «Храню тепло твоей руки// И увожу в пустом вагоне// Твою фигурку на перроне...»;

«За горизонтом, я точно знаю, //Есть та страна, //Где ждешь меня ты, всегда мечтаю, //Всегда одна».

Для поэзии Дмитрия Бирмана характерна соотнесенность двух планов: вечности и быстротекущего человеческого бытия. При этом в стихах автора ощущается не тупик пессимистического финала, а жизнеутверждающая цикличность постоянного движения и возрождения человеческой души: «С чистого листа начну я завтра! //Вырву из души печаль и слезы!»; «Они уходят, нас покинув, //Разбив неверия окно, //Туда, где девственно светло...».

Хотелось бы отметить позитивный акцент, афористичность и искренность завершений стихотворений, их последних строк: «О, снег прошел! Хорошая примета, //Раскрыть окошки, //Двери отпереть»; «Все снова живы, опять мы вместе, //И, слава Богу, //Что сны нас как-то приводят в детство, //На ту дорогу!»; «А Жизнь – Комедиант и, безусловно, Трагик, //Закрутит все опять и жарче и сильней!».

Несмотря на отсутствие какой-либо явной религиозной окраски стихов Дмитрия Бирмана, мы чувствуем, что тема спасения человеческой души, поиск высших духовных и нравственных ценностей занимают в его поэзии центральное место: «И вот, в смятении убогом, //Мечусь на краешке Земли... //Как дотянуться мне до Бога, //Чтоб Душу мне уберегли?».

Литературные реминисценции и аллюзии – словно ностальгические поцелуи памяти – остроумно спрятанные в текст приветы от признанных гигантов соцреалистической словесности. Так, новелла «Характер» сознательно рифмуется с шолоховским рассказом «Судьба человека», а предвыборная ситуация – борьба главного героя с риском для жизни за голоса избирателей – с борьбой Андрея Соколова за выживание в условиях концентрационного фашистского лагеря, в котором отчаявшийся голодный советский заключенный все же не готов предать свои идеалы.

Азбука масок Дмитрия Бирмана – это острова смысла в море хаоса современного бытия, где легко потеряться и растеряться, но автор словно хочет помочь

читателям неназойливо, без дидактики нащупать те ключевые судьбоносные стержни, опираясь на которые, можно придать смысл внешне немотивированному и суетному существованию россиянина начала третьего тысячелетия.

Чудо человеческой доброты, со-чувствия к маленькому человеку, к скромным служительницам сферы быта – парикмахершам: несколько звучных женских имен, а за каждым – неповторимый характер и тайная домашняя беда. Как тут ни вспомнить толстовские слова о счастливых и несчастливых семьях! «Без меня народ неполный – будто напоминает нам слова другого классика автор новеллы, открывая в каждой погруженной в свои заботы женщине сокровенного человека.

Отчетливо-емкие образы эпохи постсоветского кризиса дает нам Дмитрий Бирман, вслед за Александром Зиновьевым убежденный, что нужно искать собственные выходы из него, пусть и не без постоянной оглядки на чуждый нам «западнизм», выразительно явленный читателям в драматических и выверенных образах написанной на современном европейском материале новеллы «Их любовь», каждый из героев которой остается несчастным и не понятым окружающими.

Умение непринужденно вкладывать в непритязательную хронику внешне случайных событий далеко уводящий символический смысл сближает Дмитрия Бирмана с Сергеем Довлатовым, томительный пряный эротизм отдельных сцен «Азбуки масок» – с поэтикой поздних новелл Ивана Бунина из цикла «Темные аллеи».

В рассказах Дмитрия Бирмана так сильно авторское начало, что иногда кажется: повествователь легко примеривает на себя добрую половину карнавальных масок – он готов понять любого и посочувствовать каждому из своих персонажей. А, может быть, он просто слишком хорошо, в отличие от многих других авторов, равнодушно перекладывающих героев из одних сюжетных обстоятельств в другие, слышит чеховского «человека с молоточком», постоянно напоминающего о чужих бедах?

Содержание

ВВП (вступление вместо предисловия)	4
А втоледи	6
Б арби	13
В ыбор	21
Т убы	23
Д орога	27
Е врей	37
Ж изнь	42
З аграница	46
И х любовь	50
И оркширский терьер	55
К ладбище	59
Л ень	63
М ании	66
Н аша любовь	70
О диночество	73

П резерватив	76
Р усский	80
С видание	86
Т уалетте	90
У лыбка	94
Ф антазер	98
Х арактер	104
Ц ирюльня	112
Ч удо	119
Ш утка	123
Щ еголь	129
Э кзамен	135
Ю мор	140
Я	145
Карнавал продолжается	154

Дмитрий Петрович Бирман
АЗБУКА МАСОК

Книга публикуется в авторской редакции.

Оформление В. В. Петрухин
Компьютерная верстка С. Р. Сорувка
Корректор Л. А. Зелексон

Изготовление оригинал-макета – издательство ДЕКОМ.

Подписано в печать 00.05.2009. Формат 70 x 100/24.

Гарнитура VannikovaC.

Печать офсетная, бумага мелованная.

Физ. печ. 6,5 л. Тираж 2000 экз. Заказ №

Издательство ДЕКОМ, 603000 Нижний Новгород, ул. Горького, 107,

тел. (831) 433-75-31, факс (831) 218-54-74

e-mail: izdat@dekom.nnov.ru www.dekom.nnov.ru

Текст отпечатан в ООО «Чебоксарская типография № 1»,

428019 Чебоксары, пр. И. Яковлева, 15.